

СКОРО В ГОРОДЕ!

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

КОЛЛЕЖИОН

ШАТЕР ОТВЕРЖЕННЫХ

ГИБЕЛЬНЫЙ
ПОЛЕТ

ВИРТУОЗНЫЕ
ФИГУРЫ

БУДУЩЕЛЬНЫЙ
НОМЕРА

Колизион

Марина Ясинская

Колизион. Шатер отверженных

«РОСМЭН»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ясинская М.

Колизион. Шатер отверженных / М. Ясинская — «Росмэн»,
2022 — (Колизион)

ISBN 978-5-353-10003-4

Вторая книга трилогии. После трагических событий, настигших «Колизион», Кристина наконец-то поняла, какую роль ей уготовил цирк. Но она не хочет, она не готова, она отказывается делать это! Кристина всеми силами стремится избежать ответственности, ведь ее роль слишком сложна и опасна... К тому же на пути «Колизиона» возникает другой цирк, а саму Кристину кто-то явно хочет убить! Однако ей необходимо набраться мужества и... Чем же придется пожертвовать, принимая на себя такую ответственность? Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

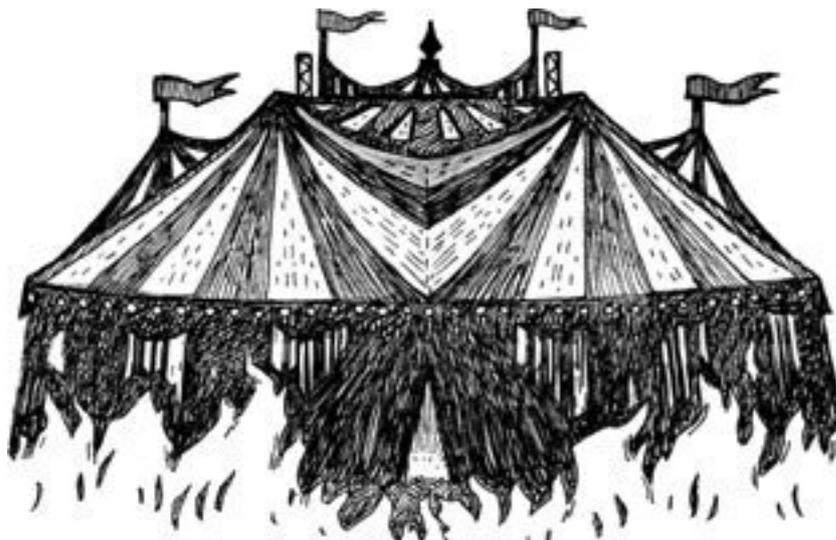
ISBN 978-5-353-10003-4

© Ясинская М., 2022

© Росмэн, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина Ясинская
Колизион. Шатер отверженных

© Макет, ООО «РОСМЭН», 2022

Глава 1

Кристина сидела на кровати, плотно подтянув колени к груди и обхватив их руками, когда в трейлер с шумом ворвалась Риона.

– Принтер распечатал афишу! – возбужденно выкрикнула она.

Кристина настороженно уставилась на подругу. Они уже знают? О, пожалуйста, пусть они не знают, что принтер сработал на нее! Она не готова... она не хочет... она не может стать директором цирка!

Когда появилась афиша, Кристина бросилась вон из фургона – так, словно за ней гналась стая гончих. Казалось, что если успеешь убежать, то уготованная участь обойдет тебя стороной. Наивный, ни на чем не основанный самообман, в который тем не менее так отчаянно хотело верить паникующее сознание.

С тех пор Кристина пряталась в своем трейлере, напряженно прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Все накопившиеся у нее переживания и тревоги смела мощная волна нового страха и вздымающегося из самой глубины души протеста. Нет! Она не будет директором цирка! Ни за что! Она за себя-то не всегда может отвечать – какая уж тут ответственность за других! Причем не только за циркачей, но и за всех тех «лишних» людей, которые приходят к ним на представления и которых надо спасти от их участи!

Когда паника немного улеглась, на помощь пришла логика. Никто не видел, что это Кристина была в белом фургоне Сола, а значит, никто не знает, что принтер заработал в ее присутствии. Вот пусть это и остается тайной, пусть никто не узнает, что цирк выбрал директором ее.

Да и действительно ли ее? Это могла быть какая-то ошибка. Нелепая случайность! Может, в то же самое время мимо белого трейлера кто-то проходил и принтер сработал именно на того, другого!

К сожалению, та часть сознания Кристины, которая с готовностью хваталась за эту иллюзорную надежду, сталкивалась с другой частью, хладнокровной и рациональной, которая услужливо извлекала из памяти воспоминания, иллюстрирующие прямо противоположный расклад. Вот самое первое утро Кристины в цирке, она находит Графиню в белом фургоне с лицом Сола на боку; именно в тот момент, когда она приближается, принтер начинает работать. Графиня в шоке берет афишу – и принимает это за знак, что цирк выбрал директо-

ром именно ее. В следующий раз Графиня получила афишу тоже на глазах Кристины, когда та зашла спросить о дате следующего представления. Выходит, каждый раз, когда печаталась новая афиша, Кристина находилась неподалеку. А когда ее рядом не было, принтер не работал. Неприятный вывод так и напрашивается: цирк с самого начала выбрал директором именно Крестину, просто никто этого не понял.

– Ты слышала, что я сказала? – переспросила Риона, вытаскивая Крестину из глубокой задумчивости. – Я говорю, принтер распечатал афишу!

– Кто? – Кристина с трудом заставила себя задать вопрос и сжалась в ожидании ответа.

– А вот это как раз самое интересное! Никто не знает!

Крестине очень хотелось шумно перевести дух, и ей потребовалось немало сил, чтобы ничем не выдать охватившее ее облегчение.

– Может, он просто сам собой заработал? – спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал естественно.

– Вряд ли, – покачала головой Риона. – Он всегда работал только с директором...

– Ну да, и от второго посещения цыганской кибитки все всегда сходили с ума, – парировала Кристина. – Последнее время в цирке очень многое идет не так, как обычно, не находишь? И многие «всегда» внезапно перестают работать.

– Ну, вообще-то да, – нехотя согласилась Риона.

Кристина удовлетворенно кивнула. Ей очень хотелось, чтобы и подруга, и все остальные поверили в это. Тогда они, возможно, не будут допытываться, кто же стал новым директором. А она после представлений будет тихонько пробираться в трейлер, чтобы принтер распечатывал новую афишу и цирк знал, куда ехать дальше. Да, это идеальное решение! У «Колизиона» всегда будет следующий пункт назначения, не придется бояться гончих, а Кристина сама избежит всей этой пугающей ответственности.

– В любом случае, кто бы ни стал директором, главное, что у нас есть новая афиша, и мы знаем, куда ехать, – заметила Риона.

– Да, это самое главное! – с готовностью подтвердила Кристина. – И если принтер теперь самостоятельно печатает афиши, то директора всегда можем выбрать мы сами, – озвучила она часть своего тайного плана.

В этот момент в трейлер заглянул Фьор.

– Идемте скорее! – позвал он. – Все уже собрались!

– Зачем?

– Будем искать, кого цирк выбрал директором!

* * *

Плетясь за Фьором и Рионкой к бывшему директорскому фургону, Кристина в полной мере поняла значение выражения «делать что-то с энтузиазмом висельника». Она не знала, как именно собираются искать директора, но точно знала, что в этот момент хочет оказаться как можно дальше отсюда.

Перед трейлером Сола уже собрались все циркачи, и, глядя на их лица, Кристина поняла, что у них, как и у нее, переключились приоритеты: еще недавно все были в полном шоке и растерянности от исчезновения Графини и ни о чем другом и думать не могли, а сейчас все внимание сосредоточилось на новой проблеме.

– Тихо! – прикрикнул Кабар, взявший на себя столь желанную им роль лидера. В руке он держал свежую афишу. – Раз принтер заработал, значит, к нему кто-то подходил. Кто?

Над толпой повисло напряженное молчание.

– Я не понимаю, почему никто не сознается? – воскликнул Кабар. – Это же должность директора цирка! Да если бы принтер сработал на меня, я бы...

– Удивительно, что ты не воспользовался такой удобной возможностью выдать себя за директора! – громко фыркнула Риона. – Ты же спал и видел, как стать Большим Боссом и раздавать всем приказы! Что же ты упустил свой шанс?

Кабар смерил ее уничижительным взглядом.

– Я бы мог, – высокомерно ответил он. – И я точно был бы куда лучшим директором, чем Графиня. Но принтер-то я своим обманом убедить все равно не могу, он не будет печатать мне афиши. А без принтера... мы уже знаем, чем нам это грозит. Я так подставлял наш цирк не собираюсь.

– Какое неожиданное благородство, – пробормотала Риона, но уже намного тише.

– А это возвращает нас к главному вопросу: как нам найти директора, раз он сам не признается?

– А смысл искать? – вдруг раздался негромкий незнакомый голос.

Кристина обернулась, чтобы посмотреть, кто это сказал, – и даже вздрогнула от неожиданности, когда поняла, что это был Летун. Щуплый парень в тяжелых ботинках и с банданой на голове крайне редко подавал голос, и Кристина привыкла думать о нем как о человеке, который всегда молчит.

– Что значит «а смысл»? – возмутился Кабар. – Я что, должен объяснять прописные истины? Цирку нужен настоящий директор! Без директора не будет афиш, без афиш нам некуда ехать, а если мы не едем, то за нами придут гончие.

– Хороший ли будет директор из человека, который не желает им быть? – все так же негромко возразил Летун и замолчал с таким выражением лица, что было понятно: он сказал все, что хотел, и больше говорить не собирается.

Риторический вопрос повис в воздухе, и чем больше утекало секунд, тем весомее он становился – словно облако, наполняющееся влагой и готовое вот-вот разразиться дождем. Циркачи молча переглядывались, и в глазах каждого было согласие с тем, что сказал Летун.

Кристина же чувствовала себя словно загнанной в ловушку. Убегая от страшщей ее судьбы, она думала только о себе и о том, что не хочет для себя такой ответственности и обузы. Она совершенно не задумывалась о том, как ее малодушное решение отразится на судьбах всех остальных циркачей. Лишняя цирка директора, она, по сути, обрекает его на неизбежное удаление. И ее жалкая придумка тайком пробираться в трейлер, чтобы принтер распечатал афишу, – это не выход. Директор цирка – это куда больше, чем просто афиша; это и руководство, и решение проблем, и показ нужного примера, и, наконец, нечто надежное и незыблемое, на чем покоится цирк. Людям надо знать, что в самые трудные времена у них есть надежная опора.

«Да, но я же не справлюсь с такой огромной задачей! – возразила Кристина сама себе, когда чувство вины стало подталкивать ее вперед. – Я только напортачу!»

«Но без директора у цирка изначально нет и шанса, – парировало чувство вины. – А с твоим директорствованием все не настолько однозначно. Кто знает, может, ты еще как-то и вытянешь...»

«Но я не хочу! Я боюсь! Мне этого не надо!»

«Свои интересы превыше всего, да? И плевать на последствия! Вот и когда ты жила прежней жизнью, тоже всегда думала только о себе. О том, как тебе плохо, о том, как с тобой несправедливо обошлись. И ни мысли о том, как нелегко Кириюше и как тяжело родителям... Может, именно потому ты и стала лишней, и тебя с такой легкостью вытеснил фамилляр».

Эмоциональный мини-диалог с самой собой всколыхнул в душе злость – такую знакомую, такую привычную реакцию, которая возникала всякий раз, когда Кристине говорили то, что ей не нравилось слышать. Но впервые в жизни это произошло в ответ на доводы, которые она привела сама себе.

Злость была удобным прибежищем. Злостью можно было обернуться как одеялом – с головой! – и отгородиться ею от всего мира и от всех его проблем!

Но то ли потому, что та часть Кристины, которая отвечала за совесть и вину, стала сильнее, то ли по какой-то еще причине, но на этот раз Кристина понимала: злость никак не поможет. Даже если отвернуться, отгородиться от проблемы, злость не исчезнет, она все равно будет незримо присутствовать рядом, настойчиво требуя решения проблемы. И Кристина уже знала, что это за решение. И хотя принимать его ужасно не хотелось и внутри все восставало в протесте, какая-то часть ее уже понимала, что это неизбежно.

Кристина тяжело вздохнула, а потом набрала побольше воздуха, чтобы громко сказать: «Это я» – и выйти вперед.

Но прежде чем она успела это сделать, Кабар громко объявил:

– Что ж, пока наш новый директор трусливо прячется, я буду его замещать... Нет, ну а что? – отреагировал он на ворчание в толпе. – Да, принтер сработал не на меня. Но ведь на этом функции директора не заканчиваются, каждый день нужно принимать десятки разных решений! Кто-то же должен это делать! Кто-то должен взять на себя роль лидера. Это сделаю я.

По толпе снова пробежал шепоток, и Кабар агрессивно набычился:

– Кого-то что-то не устраивает? Есть другие желающие на эту роль?

– Ты еще недавно не был желающим! – выкрикнул кто-то из толпы. – С чего вдруг такая перемена в настроении?

– Я рассчитывал, что у нас появится настоящий директор...

– Или что цирк выберет тебя! – тоненьким голосом добавил кто-то еще, и по толпе пошли смешки.

– Но раз он оказался трусом, – как ни в чем не бывало продолжил Кабар, игнорируя выкрики, – то кто-то должен взять на себя эту ответственность.

Кристина обвела циркачей ищущим взглядом. Неужели никто не возразит против его кандидатуры? Не вызовется вместо него? Почти никому не нравился Кабар, и все же никто не высказался против, когда тот решил сам провозгласить себя «и.о.» директора. Прямо как в школе: никому не нравились Ольги, но никто не решался скинуть их с трона, на который они сами себя возвели. Та же самая схема, только уже за пределами школы. И столь же эффективная. Но почему же все молчат? Почему никто не возразит? Они же уже не в школе, они взрослые, опытные и умные. Они должны сразу видеть эти схемы «захвата власти» насквозь – и пресекать их на корню.

Если только... если только нет никаких опытных и мудрых взрослых, какими они представляются в воображении тех, кто еще только подходит к заветному порогу совершеннолетия. Есть лишь все те же школьники – немного растерянные, слегка запутавшиеся, сомневающиеся и неуверенные в себе, только лица у них старше и лет им по паспорту больше. А в глубине души они все те же, просто научились лучше скрывать свои чувства и *казаться* спокойными, всезнающими взрослыми.

«Но даже если и так – почему все вокруг молчат?» – упорно вернулась к самому тревожащему вопросу Кристина.

«А ты почему молчишь? – ответил внутренний голос. – Ты почему ничего не скажешь? У тебя для этого куда больше прав и оснований!»

«Потому что мне страшно, – призналась сама себе Кристина, и сформулировать эту мысль оказалось очень непросто. – Мне страшно, и я сдаюсь этому страху. Я... я трусиха!»

От столь неприятной правды во рту образовалась горечь. Ах, насколько же лучше было дома! Дома Кристина всегда винула во всех своих неудачах других и никогда – себя. А здесь, в «Колизионе», эта удобная уловка больше почему-то не работала и приходилось смотреть неприятной правде в лицо: она вовсе не несчастная жертва несправедливого мира, и какие-то неприятные вещи, которые с ней происходят, – это именно ее вина.

«Еще не поздно, – напомнил внутренний голос. – Ты все еще можешь им рассказать...»

Кабар тем временем уже всю вошел в роль руководителя и раздавал распоряжения: когда выезжать, каким маршрутом следовать, кого куда посадить водителем... А когда кто-то спросил, что делать с пустым ретроавтомобилем, так и оставшимся стоять на дороге к городу, Кабар мгновенно решил, что рисковать своей шкурой и пересекать границу города, в который им нет ходу, он не собирается, ему не улыбается повторить судьбу Графини и Ковбоя. И других заставлять не будет. Но если есть желающие...

Желающих не нашлось.

Некоторое время Кристина наблюдала за поднявшейся деловитой суетой, а потом молча развернулась и, преисполненная отвращения к себе, побрела к своему фургону.

* * *

– Черт, черт, черт!

Яростные восклицания наконец пробились сквозь сознание Кристины, и она поняла, что все это время рядом с ней шла крайне расстроенная Риона.

– Он и так был невыносим, а сейчас, когда самопровозгласил себя директором, станет и вовсе невозможен! И на него не будет никакой управы! – выплескивала свои тревоги танцовщица, раздраженно дергая розовые пряди волос.

– На него и прежде не было никакой управы, – ляпнула Кристина, прежде чем сообразила, что это так себе утешение.

– Спасибо, подруга, вот приободрила! – бросила на нее Риона укоризненный взгляд.

– Я не то хотела сказать. Когда у вас были разборки с Кабаром, директор же так и так никогда не вмешивался. Что теперь изменится?

Риона печально посмотрела на Кристину.

– Теперь изменится все. Власть меняет даже достойнейших людей, извлекает из них на поверхность все самое худшее. Только представь, что она сделает с таким, как Кабар.

– Но это же не по-настоящему. Я имею в виду, он же не настоящий директор.

– А это имеет значение? Настоящий или нет, но другого у нас сейчас нет. И вся власть у Кабара. Он ее взял – и никто не подумал ему возражать.

Кристина мрачно вздохнула. Вот и еще одна причина, почему ей стоило признаться, – и еще один человек, которого она делает несчастным из-за отказа принять наложенные на нее цирком обязанности.

Около трейлера девушек уже поджидал Фьор.

– Крис, по поводу того, о чем я хотел с тобой поговорить до того, как... – он замешкался, подбирая слова, – до того, как все полетело к чертям.

– Нет! – так яростно воскликнула Кристина, что фаерщик от неожиданности даже чуть отшатнулся. – Нет, только не сегодня! Уже и так слишком много всего свалилось! Пожалуйста, не добавляй!

– Хорошо, – тут же отступил Фьор. – Это совершенно не срочно.

Кристина благодарно пожала фаерщику руку. На сегодня она точно исчерпала свой лимит тревог и неприятных открытий и просто не потянет еще и таинственные загадки их странной связи с Фьором и возникающих при этом видений.

Фаерщик не сразу отпустил руку девушки, будто хотел сначала убедиться, что с Кристиной все в порядке. Но в конце концов он все же нехотя ушел.

Кристина продолжила стоять на месте, не зная, как ей быть. Оставить все как есть и позволить течению событий себя нести – или вмешаться? Продолжить прятать голову в песок – или открыто посмотреть в лицо тому, что преподнес ей цирк? Признаться всем, что это она получила афишу, и принять на себя роль директора? Или сначала проверить, не ошиблась ли она и точно ли именно на нее среагировал принтер?

Сознание с готовностью ухватилось за последний вариант. Что угодно, лишь бы оправдать собственное малодушие! Да, сначала надо проверить, точно ли принтер распечатал афишу именно ей, не произошла ли какая-то путаница. Но для этого прежде надо будет доехать до их нового пункта назначения, дать там представление – и только потом ждать новой афиши. А вот когда Кристина точно убедится, что никакой ошибки нет, тогда всем и расскажет.

Сразу стало легче дышать, даже несмотря на то что Кристина понимала, как иллюзорна отсрочка, которую она сама себе выторговала. Зато снова встала старая проблема: она по-прежнему не знала, какой дар получила от цирка, с каким номером ей выступать. Но сейчас даже угроза удаления не волновала ее так сильно, как желание любым способом избежать нежеланной роли директора.

– Эй, ты в порядке? – услышала Кристина рядом с собой голос Мануэля.

– Да... А что?

– Ничего. Просто ты застыла, глядя в одну точку, и уже довольно долго так стоишь.

– Я... задумалась. Очень много всего произошло. Нужно время, чтобы это все как-то уложилось в голове.

– У меня есть идея, – тут же предложил воздушный гимнаст. – Пошли ко мне.

Неожиданные слова Мануэля трепетом прошли по всему телу.

– К тебе – в смысле, в ваш трейлер?

– Да. Мои соседи сегодня все на водительском дежурстве, кто в автобусах, кто в грузовиках, так что весь трейлер в нашем распоряжении, – проговорил воздушный гимнаст, а потом добавил с многозначительной улыбкой, от которой по всему телу Кристины пробежали мурашки волнения: – Помогу тебе уложить все случившееся в голове.

Выжидательный взгляд ярких светлых глаз Мануэля вызывал дрожь волнения и предвкушения, в голове закружился вихрь мыслей, хаотично сталкивавшихся друг с другом. Кристина не могла ухватиться ни за одну, она знала только, что не все мысли двигались в едином направлении. Одни скакали от восторга и советовали немедленно соглашаться, другие почему-то колебались и сомневались, задавались вопросом, а готова ли Кристина к такому шагу и к тому, что он подразумевает, и не стоит ли ей пока подождать...

– Ну так как? – подстегнул голос Мануэля.

– Я... – начала было Кристина, сама не зная, что собирается сказать.

Кто-то дернул ее за рукав. Девушка обернулась и увидела Апи; «обезьяныш» молча смотрел на нее просящими карими глазами.

– Да, Апи, что такое? – спросила она.

Апи шмыгнул и вдруг всем телом прижался к Кристине, словно искал у нее защиту... или пытался ее удержать. Девушка механически обняла «обезьяныша» и, почувствовав, как крепко стискивают ее тонкие детские ручки, вдруг снова вспомнила Кириюшу. Он изредка тоже подходил к ней вот так и пытался ее обнять – он, который обычно не терпел тактильного контакта! Но она всегда раздражалась и вырывалась, ей не было дела до страхов брата, и она не понимала, что может предложить ему утешение, просто находясь с ним рядом.

– Все будет хорошо, – внезапно охрипшим голосом сказала Кристина Апи, приобняла его и стала слегка покачивать. Встретилась глазами с Мануэлем, чуть пожала плечами, словно извиняясь, и почти беззвучно сказала: – Давай в следующий раз.

Ничего не сказав, воздушный гимнаст напряженно кивнул, резко развернулся и ушел. Глядя ему вслед, Кристина пыталась решить, верно она поступила или же совершила глупейшую ошибку.

* * *

Кристина проснулась от того, что от резкого рывка трейлера упала на пол. Визжали тормоза, со стен сыпались маски и афиши, громко звякнуло и разбилось зеркало, разлетелось блестящими острыми каплями. Один осколок царапнул Кристину по щеке, но она едва ли это заметила, все ее внимание сосредоточилось на потерявшем управление трейлере, который несло по дороге и который, казалось, вот-вот перевернется!

Что произошло? Очень хотелось выглянуть в окно, окликнуть водителя или спросить соседок, но инстинкт выживания взял управление на себя и вместо этого заставил Кристину изо всех сил вцепиться руками в привинченные к полу крепления кровати и сгруппироваться в ожидании удара.

Трейлер продолжало нести и крутить по трассе; Кристина ожидала, что вот сейчас, уже через мгновение он, кувыркаясь, полетит по дороге, как это показывают в кино, и казалось, что все это длится целую вечность, хотя на деле едва ли заняло больше минуты. А потом – еще один рывок, сильный толчок, от которого Кристина больно ударилась коленом о край кровати, – и трейлер замер.

Переведя дух, Кристина с трудом поднялась. Ноги дрожали.

Взгляд хаотично метался по трейлеру. Риона, хоть и изрядно перепуганная, кажется, была в порядке. Себа сидела с крепко зажмуренными глазами, сжавшись в комок, а Кьяра трясла за безжизненную, безвольную руку Джаду, лежавшую ничком на полу, и испуганно повторяла ее имя.

Кристина быстро подошла к потерявшей сознание гимнастке – по крайней мере, она очень надеялась, что та всего лишь потеряла сознание, – и попыталась вспомнить хоть что-то из школьных уроков, на которых рассказывали, что необходимо делать в подобных ситуациях. Ну почему она почти ничего не слушала? Почему была так уверена, что навыки первой помощи никогда ей не пригодятся? Откуда вообще берется эта ничем не обоснованная уверенность, что с тобой не случится ничего настолько плохого, чтобы тебе понадобились эти знания?

– Она дышит? – испуганно спросила Кьяра.

Кристина присела на корточки и низко наклонилась над Джадой, пытаясь увидеть, как поднимается и опадает грудь, или услышать звуки дыхания. Но то ли стресс и паника были слишком сильны и из-за них она ничего не могла разобрать, то ли... то ли Джада и правда не дышала!

– Наверное, надо ее поднять... или перевернуть, – неуверенно предложила Риона. – Кровь есть?

– Кровь я не вижу, – ответила Кристина. – Но лучше ее не трогать; если у нее перелом, то мы можем сделать только хуже.

– Что вообще случилось? – подала голос наконец рискнувшая приоткрыть один глаз Себа.

– Не знаю, – ответила Риона.

Кристина тем временем уже подошла к водителю. Сегодня ночью их трейлер вел один из силовых акробатов, и сейчас он лежал ничком на руле. Понадеявшись, что он тоже просто без сознания, а не кое-что похуже, Кристина с опаской выглянула в окно; было страшно увидеть, что же стало причиной аварии. Они столкнулись с каким-то грузовиком? В них врезался другой автобус? Случилось стихийное бедствие, которое разметало весь цирковой автокараван?

Кристина оказалась совершенно не готова к зрелищу, которое ей открылось. Автобусы, грузовики, трейлеры и автомобили «Колизиона» разбросало по всей дороге, словно гигантские игрушки, – кто замер на обочине, кто посередине трассы, кто на встречной полосе. Одни машины стояли боком, другие – развернувшись на сто восемьдесят градусов, грузовик с каруселью с лошадками завалился на бок, мини-автобус с реквизитом для киосков съехал в кювет.

Разбитые фары мигали, противно выла сработавшая на каком-то автомобиле сигнализация – и хрипела, заев на самой первой строчке песенки, опрокинувшаяся с грузовиком карусель.

По обеим сторонам дороги высоким забором, угрюмой стеной тянулся черный лес, а впереди, в темноте, куда убегала дорога, стояла, перекрывая трассу, шеренга огромных машин с включенными фарами. Высокие темные силуэты и слепящий свет вызвали отчетливое ощущение угрозы.

Кто перекрыл дорогу? И зачем? Это устроили именно для их цирка или же «Колизион» просто неудачно оказался не в том месте не в то время?

Кристина не увидела снаружи ни единой живой души. Пока никто не вышел из машин и автобусов «Колизиона»; не появились на улице и те, кто перегородил им дорогу.

Искушение вернуться обратно в трейлер, спрятаться под одеяло и подождать, пока кто-то другой, сильный и умный, со всем разберется, было как никогда велико. У цирка есть временный директор и есть десятки куда более опытных людей, чем она, – вот пусть они этим и занимаются! Да, Кристина совершенно точно не собиралась выходить и выяснять, что происходит.

Но хотя паникующий разум твердил одно, Кристина не без удивления осознала, что она тем не менее зачем-то спускается по ступенькам и скованно, будто тело принадлежит не ей, идет к источнику агрессивно яркого света от незнакомых машин... Какого черта?

Кристина медленно шла между замершими автобусами, трейлерами и грузовиками «Колизиона», краем сознания отмечая, что, хотя она слышит шум сломанных механизмов, до нее не доносится никаких «человеческих» звуков – ни испуганных криков, ни стонов раненых, ни возбужденных голосов. Никто не выходил наружу, никто не выглядывал из окон, не пытался увидеть, что произошло... А может, это все не по-настоящему? Может, это лишь сон, пусть и пугающий своей реалистичностью?

Ущипнув себя за руку, Кристина чуть поморщилась от саднящего ощущения и сделала вывод: похоже, все-таки не сон. И тогда у нее появилось жуткое ощущение, что все циркачи пропали и она осталась тут одна, тонущая в бесконечной ночи, наедине со страшным и неведомым противником. Следом возникло сильнейшее искушение зайти в первый же попавшийся трейлер – просто чтобы убедиться, что там остались люди и что они живы!

Кристина подошла к ближайшему автобусу. Тот не был ни перевернут, ни поврежден, двигатель продолжал работать. Открытая дверь словно приглашала войти. Кристина поставила ногу на нижнюю ступеньку и собралась было подняться, но замерла в нерешительности. А что, если там и правда пусто? Вещи на месте, а люди пропали? Как на кораблях-призраках, леденящие душу истории о которых она читала в детстве. Или же она войдет внутрь – и увидит только трупы?

Так и не решив, какая картина кажется страшнее, Кристина опустила ногу обратно на землю, перевела дух и попыталась быстро прочесть самой себе бодрый и короткий мотивационный спич. Хватит себя накручивать! Люди не умирают вот так, поголовно, без причины! Никто не пропал, все живы, а не выходят, скорее всего, потому же, почему не хотела и она; происходило что-то непонятное и даже пугающее, и инстинкт самосохранения призывал спрятаться и переждать, пока с проблемой разбирается кто-то другой, тот, кому положено.

– *Темнота... пустота... не уйдем мы... никогда,* – донеслось откуда-то из темноты тихое заунывное пение.

Кристина облегченно выдохнула. Апи! Что ж, хотя бы одна живая душа!

– *Нас не видят. Нас не слышат. Мы не живы. Мы не дышим,* – продолжал тянуть свою мрачную песенку невидимый в ночи мальчишка.

По здравом размышлении, эти мрачные слова никак не могли принести успокоение, но прямо здесь и сейчас, в окружении этой страшной, пугающей ночи, они каким-то странным образом успокаивали. То ли голос Апи свидетельствовал о том, что в цирке остались живые

люди, то ли, наоборот, слова «мы не живы» срабатывали на подсознании, и оно считало, что раз все и так уже не живы, то не стоит беспокоиться о том, что они сейчас могли умереть.

– *На арене... под шатром... все уйдут – и мы умрем*, – разносились протяжные слова по воздуху. Когда последний звук растаял, из темноты, которая особенно сильно сгустилась за спящими фарами невидимых чужаков, раздался угрожающий рокот, который становился все громче и громче.

«Новые чудовища? Мало нам было гончих!» – первым делом подумала Кристина, и у нее мелькнула предательская мысль, уж не наказывает ли цирк таким образом за то, что директор, на которого он недвусмысленно указал, отказывается исполнять свои обязанности.

Ожог на ладони, оставленный медальоном, вдруг стремительно налился жаром и запульсировал. Но прежде чем бурное воображение Кристины успело нарисовать образы мистических монстров, перекрывшая дорогу шеренга разъехалась, пропуская вперед автомобиль. Разомкнувшаяся полоса фар на некоторое время перестала слепить глаза, и Кристина увидела, что незнакомые машины чем-то очень похожи на военные: все как одна черные, массивные, с резкими, угловатыми линиями. «Может, здесь проходят какие-то армейские учения?» – подумала она.

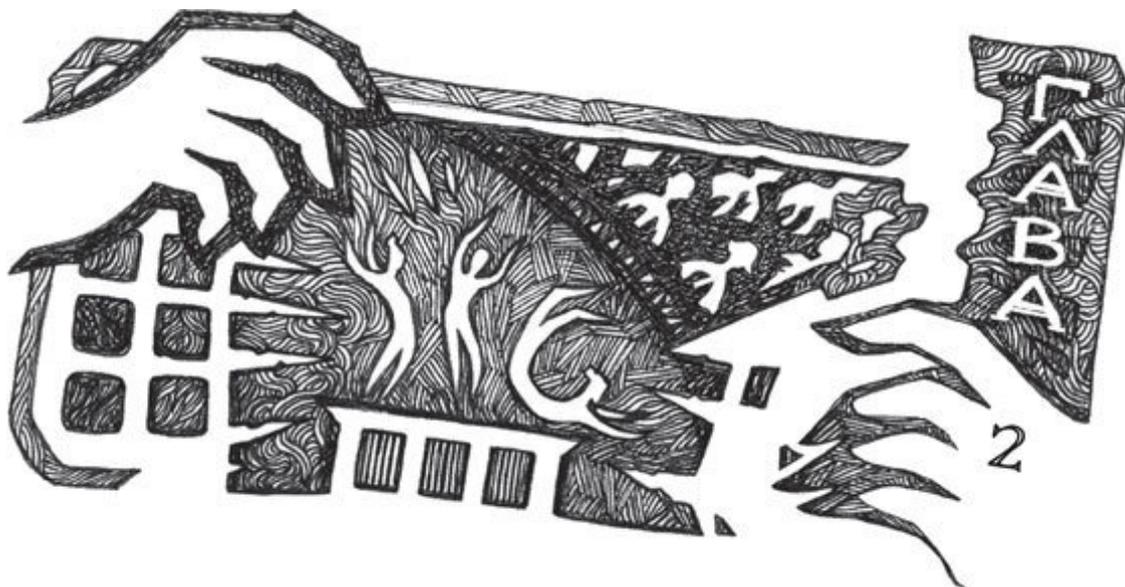
Шеренга фар снова сомкнулась, и перед ней остановился массивный джип. Несколько мучительно долгих мгновений ничего не происходило, а потом открылась дверь с водительской стороны, и из салона появилась изящная фигура,двигающаяся с грацией профессионального танцора. Она сделала несколько шагов вперед и замерла. Кристина ожидала, что сейчас услышит что-нибудь вроде «Хелло!» или «Есть кто живой?».

Но вместо этого фигура неожиданно чуть склонила голову и громко сказала твердым женским голосом, обращаясь к кому-то позади Кристины:

– Святые коконаты, какая встреча!

Глава 2

После встречи с Капюшоном у Тины было подозрительно хорошее настроение, и Кирюше это не нравилось. Он был уверен, что чем лучше здесь Тине, тем хуже где-то там Кристине.

После обрывка загадочного разговора, который ему удалось подслушать на автобусной остановке, Кирюша понял, что у него набралось слишком много непонятных и загадочных данных, их нужно, во-первых, не забыть, а во-вторых, как-то систематизировать; возможно, тогда они обретут хоть какой-то смысл.

Решив, что лучше всего с обеими задачами справится шариковая ручка, Кирюша взял из аккуратной стопочки на полке тетрадь в клеточку. На обложке были нарисованы гоночные машинки, одна красная, с желтыми полосами, а другая синяя, с белыми ромбами на дверцах. Вытянутые фары красной машины казались прищуренными глазами, отчего сам автомобиль выглядел таким хитрецом...

Поймав себя на том, что его мысли, как обычно, уходят куда-то в сторону, в бесконечное разглядывание деталей, Кирюша заставил себя сосредоточиться и вспомнить, зачем он взял тетрадь, а то так он и простоит с ней два часа, глядя на обложку. Записи. Записи о Тине. Чтобы не забыть. И чтобы, возможно, понять, что происходит.

Кирюша прислушался к доносящимся из квартиры звукам. Мама чем-то деловито гремела на кухне, отца, как обычно, не было, а Тина еще не вернулась из школы. Прекрасно, ему никто не помешает.

Открыв тетрадь на первой странице, Кирюша занес над ней ручку и задумался: с чего бы начать? Вопрос оказался неожиданно сложным. Записать сначала про то, как Тина стояла, качаясь, на перилах балкона? Как говорила с какой-то голограммой на кухне? Как бегала, словно большой паук, в подвале возле разведенного костра? Как называет его Кириллом, а не Кирюшей? Как стала по-другому одеваться? Как говорила с Капюшоном? А может, сначала записать, как Кристина пришла домой, когда там уже была Тина, но мама ее не увидела? Или лучше сначала записать новые непонятные слова, которые он от нее услышал? Фамильяры, яггер...

В конце концов Кирюша пришел к выводу, что начать надо с самого начала. И он записал: «Все началось, когда Кристина пошла со мной в цирк, который приехал к нам в город».

* * *

Кристина обернулась, пытаясь понять, к кому обращены слова незнакомки, и увидела, как между разбросанными по дороге и обочине машинами «Колизиона» к ним быстро шел Мануэль.

«Откуда она его знает?» – удивилась Кристина, краем глаза замечая, что вот теперь из автобусов и трейлеров «Колизиона» начали появляться люди.

Мануэль подошел к женщине и остановился на расстоянии вытянутой руки.

– Ронда, – сдержанно кивнул он.

– Как сухо и официально, – с легкой усмешкой ответила женщина, подходя ближе к Мануэлю. – Словно нас ничего и не связывает.

Теперь, когда Ронда вышла из слепящих лучей фар, превращавших ее в черный силуэт, Кристина сумела рассмотреть детали. Дерзкое каре темных волос, стройная фигура затянута в черный комбинезон, поверх накинут длинный, до пят, плащ, массивный ремень на талии, а на нем... да, это были самые настоящие ножны, длинные и немного изогнутые! У нее что, там и правда сабля? Как у пирата? А еще у женщины были яркие черные глаза и улыбка, обращенная к Мануэлю, – вроде бы и слабая, но при этом обладающая силой, которая может сшибить с ног. Красивая, опасная и уверенная в себе женщина, и она сразу же вызвала почти непроизвольное восхищение – Кристина сама всегда хотела быть такой же.

Неуловимым движением руки Ронда извлекла саблю из ножен, и, прежде чем Кристина успела вздохнуть, острие оружия оказалось под подбородком Мануэля. Женщина потянула клинок на себя, и Мануэль послушно последовал за ним – пока не придвинулся к Ронде почти вплотную. Еще одно неуловимое глазу движение – и сабля исчезла, а воздушный гимнаст оказался в объятиях женщины. Та легко коснулась его щеки губами, и, хотя по всем формальным признакам это был совершенно невинный поцелуй, градус его чувственности зашкаливал.

Кристина с неудовольствием отметила, что Мануэль вовсе не был пассивной жертвой этого странного проявления чувств; он и сам обнял Ронду в ответ, тоже поцеловал в щеку и еще некоторое время держал за плечи, глядя в лицо, прежде чем отпустить.

Что-то очень неприятное шевельнулось в душе, и Кристина поняла: это некрасивое чувство было ревностью.

– А они, кажется, хорошо знакомы, – заметил кто-то позади, и Кристина вздрогнула.

Оказалось, что к ней бесшумно подошел Фьор, и теперь он с интересом наблюдал за разворачивающейся картиной.

– Похоже на то, – отозвалась Кристина, стараясь, чтобы голос не выдавал ее эмоции.

Так вот как чувствует себя Джада всякий раз, когда видит ее с Мануэлем! В этот миг Кристина почти посочувствовала своей соседке...

Джада! Кристина едва не хлопнула ладонью по лбу! Джада же ранена! Ей нужна помощь!

– У нас есть врач? – спросила Кристина Фьора.

– В цирке не болеют, – рассеянно отозвался фаерщик, продолжая наблюдать за Мануэлем и женщиной по имени Ронда.

Кристина даже не успела удивиться этой прошедшей мимо нее информации, которую Фьор выдал столь будничным тоном, словно речь шла о чем-то совершенно тривиальном.

– А если кто-то получил травму? Или ранен?

– Кто ранен? – тут же насторожился фаерщик.

– Джада.

– Канатоходец, – ответил Фьор. – В прежней жизни он был врачом.

Кристина вызвала в памяти образ канатоходца: невысокий, округлый добродушный мужчина средних лет, чем-то неуловимо напоминающий ей Карлсона. В повседневной жизни, без

костюма и грима, он максимально не походил на человека, который может ходить по канату. А вот представить его себе в белом халате среди больничных стен как раз было очень легко.

– Где он? – спросила Кристина. Она не собиралась оставаться тут и продолжать смотреть на то, как Мануэль любезничает с какой-то пираткой... Подумать только, а она ею еще восхищалась!

Тут рассеченную светом фар темноту прорезал громкий голос Кабара:

– Что происходит? Вы кто такие? Какого черта вы перекрыли дорогу посреди ночи? Совсем с ума сошли? Мы едва избежали аварии!

– Кабар, – прервал поток возмущения Мануэль, – это «Обскурион». Мой... бывший цирк.

«Его бывший цирк?!» – ахнула про себя Кристина. Тот самый цирк, который выбросил его? Цирк, в котором отказываются от своих? Она уже не хотела иметь с ним ничего общего! Но почему Мануэль не послал их подальше, как только увидел, а, напротив, позволяет себя обнимать и целовать?

– Мэнни, – женщина снисходительно, словно взрослый ребенка, похлопала гимнаста по руке, – я сама.

«Мэнни», – отметила Кристина. Какая своеобразная уменьшительно-ласкательная вариация имени Мануэль! Вот только в том, как женщина его произнесла, было куда больше уменьшительного, чем ласкательного, и потому прозвучало это скорее уничижительно. Мануэль никак не проявил своих чувств, но по каким-то мелким, почти незаметным признакам Кристине показалось, что он не в восторге от этого обращения.

– Доброе утро, – поприветствовала женщина Кабара. – Меня зовут Ронда. От имени «Обскуриона» приношу свои извинения, мы не собирались становиться причиной аварии. Именно для этого мы и оставили фары включенными; нас было крайне трудно не заметить. И сейчас не середина ночи, а уже шесть утра.

Ронда говорила вроде бы вежливо и с улыбкой, и тем не менее в ее словах ощущалась стальная твердость, а извинение она явно было неискренним, оно прозвучало ничего не значащей формальностью.

Кристина задумалась, угадала ли Ронда, что с Кабаром нужно говорить только с позиции силы, если хочешь получить его уважение, или же она со всеми так общалась. Как бы то ни было, она выбрала единственно верный тон, который тут же заставил Кабара сбавить обороты.

– Да, но зачем было дорогу перекрывать? – намного тише и уже совсем не воинственно пробурчал он и, не дожидаясь ответа, продолжил – с ноткой хвастливого самолюбования: – Я Кабар. Директор «Колизиона».

– Директор, вы подумайте! – тихо фыркнул стоявший рядом Фьор.

Кристина усмехнулась в ответ и краем глаза заметила, что вышедшие из трейлеров и автобусов «Колизиона» циркачи подтягивались поближе; всем было интересно узнать, что происходит, а когда стало ясно, что никаких мистических чудовищ вроде гончих в округе нет, любопытство пересилило страх.

– Приятно познакомиться, – кивнула Ронда.

– И мне, – ответил Кабар с откровенно многозначительной интонацией и окинул Ронду с ног до головы таким выразительным взглядом, что Кристина невольно закатила глаза.

– Вау, да он у нас просто мастер подкатов! Пикапер высшего разряда! – насмешливо протянул Фьор, и Кристина снова усмехнулась. Да уж, Кабар флиртовал с деликатностью топора. Хотя, наверное, ему никогда и не приходилось прилагать слишком много усилий, чтобы очаровать понравившуюся ему девушку; если абстрагироваться от характера и смотреть только на внешность, метатель ножей был привлекательным мужчиной. А при первом знакомстве внешность, тем более такая яркая, часто оказывается очень весомым фактором.

– Раз наши пути таким неожиданным образом пересеклись, может, воспользуемся этой удачей? – продолжал тем временем Кабар. – В конце концов, как часто нам удается встретиться с коллегами?

– Смотря что вы имеете в виду под «воспользоваться», – ответила Ронда, не пытаясь скрыть легкую насмешку, но та совершенно не подействовала на Кабара.

– Узнать друг друга получше, конечно! – воскликнул метатель ножей.

– Вы имеете в виду цирки? – уточнила Ронда.

– Ну разумеется, – с готовностью согласился Кабар. – Начнем с цирков, а там посмотрим.

– Что ж, пожалуй, можно...

– Могу устроить вам тур по «Колизиону», – тут же предложил метатель ножей.

– Не мне, – покачала головой Ронда. – Нашему директору.

– Э... – растерялся Кабар. – Я думал, директор – вы.

– Я всего лишь помощница. А директор... – Ронда оглянулась назад, в темноту, прячущую за огнями слепящих фар. – Он как раз к нам идет.

Кристина заметила, как напрягся и начал медленно, незаметно отступать Мануэль, – и настороженно уставилась на черные тени, из которых вот-вот должен был появиться тот, кто когда-то хладнокровно выкинул воздушного гимнаста из цирка.

Вряд ли Кристина могла сказать, какой образ сложился у нее в голове – да и был ли вообще хоть какой-то, – но когда увидела возникшего из темноты мужчину, сразу поняла, что таким директора «Обскуриона» она точно не представляла.

Мужчина был довольно высоким и широкоплечим, с крупной лысой головой, частично прикрытой черным котелком. Как и Ронда, он облачился в черный, похожий на военный комбинезон, а сверху накинул длинный, почти до пола, плащ. Каждый второй его шаг сопровождался тихим, но отчетливым цоканьем тяжелых ботинок по асфальту, словно на одном из каблучков стояла металлическая набойка. Но самыми интересными оказались круглые очки, сидящие так высоко на переносице, что казалось, они практически прилегают к глазам. Кристина сначала подумала, что они солнцезащитные, и удивилась, зачем носить их ночью. Но когда пригляделась, то поняла, что стекла словно составлены из маленьких разноцветных кусочков. Этакие мини-витражи в оправе.

Директор «Обскуриона» еще не дошел до Ронды, а Кабар уже невольно попятился и словно съезжился, став чуть меньше своего и без того не слишком высокого роста. Сейчас как никогда прежде метатель ножей напоминал отчаянного хулигана, который вдруг столкнулся с куда более опасным хулиганом и тут же растерял половину своей уверенности в себе.

Остановившись рядом с Рондой, директор несколько долгих мгновений смотрел на смешавшегося Кабара.

– Значит, директор, да? – спросил он. Низкий голос отзывался вибрацией в позвоночнике и заставлял нервничать. Кристина почувствовала Мануэлю и всем остальным циркачам «Обскуриона»; постоянно находиться рядом с человеком, одно лишь присутствие которого так подавляет и заставляет нервничать, должно быть, очень утомительно.

– Временно исполняющий обязанности, – ответил Кабар, протягивая ладонь для рукопожатия. Он уже успел собраться и снова стал похож на обычного самоуверенного себя, хотя было заметно, что рядом с директором «Обскуриона» ему некомфортно. Но все же Кабар старался; наверное, не хотел ударить в грязь лицом перед циркачами родного «Колизиона». А может, рисовался перед посторонними. – Кабар. Метатель ножей. Приятно познакомиться.

– Временно исполняющий обязанности, – медленно повторил директор «Обскуриона», словно пробуя каждое слово на вкус и демонстративно не замечая протянутой руки. – Как... необычно!

– Да, у нас... были в последнее время трудности, – ответил Кабар, явно не зная, что делать с рукой – продолжать держать или убрать? – А вы... извините, не расслышал ваше имя?

Ронда издала тихий смешок и переглянулась с директором. Тот едва заметно улыбнулся.

– А я его и не говорил, – ответил он.

Кабар наконец уронил руку, перестав надеяться на ответную вежливость.

– Это ваша страшная цирковая тайна? – наконец натужно пошутил он, пытаясь разрядить крайне неловкую обстановку.

– Да нет, почему же. Просто забавная формулировка. Вы не *не расслышали* мое имя, вы прекрасно знали, что я его не говорил. Почему бы не спросить прямо?

Кристина шумно выдохнула. Это не она разговаривала с директором «Обскуриона», но даже ей стремительно становилось некомфортно от одного лишь наблюдения за беседой со стороны; у нее даже спина вспотела! И впервые за все время Кристина почти посочувствовала Кабару; ему сейчас, наверное, намного хуже!

– Вероятно, ловушка правил вежливости, – спокойно ответил Кабар. Удивительно, но под натиском собеседника он все больше брал себя в руки. – Давайте попробуем еще раз. Кабар. А вы?

– Джордан, – после короткой, но ощутимой паузы ответил директор «Обскуриона».

– Рад знакомству, – кивнул Кабар и продолжил, вызвав у Кристины что-то похожее на уважение своей настойчивостью; она бы на его месте точно не продолжала. – Я – метатель ножей. А вы?

– А я – директор «Обскуриона», – просто ответил Джордан, поднял руку к переносице, снял очки и в упор взглянул на Кабара.

Метатель ножей не удержался и чуть отшатнулся.

Затем Джордан перевел взгляд на мнущегося поодаль Мануэля. Тот вздрогнул.

А потом директор «Обскуриона» прошелся взглядом по всем циркачам «Колизиона».

Когда очередь дошла до нее, Кристина поняла, почему вздрогнул Мануэль и попятился Кабар. Она думала, что глаза Джордана, должно быть, будут сверкать серебристым светом, как глаза циркачей «Колизиона», но глаза под очками-витражами были белесыми и незрячими. Директор «Обскуриона» оказался слепым.

* * *

– Не нравится мне этот цирк, – проворчал Фьор, когда Кабар с Джорданом отошли в сторону и стали что-то обсуждать, а всем остальным пришлось мяться на месте, не зная, что делать. – И Джордан мне не нравится. У меня от него мурашки по коже. А этот взгляд... Брр! – передернул он плечами.

– Да уж, очень интересно, как незрячий может управлять цирком, – задумчиво протянула Кристина. – Ты ведь сказал, в цирке не болеют, да? Наверняка и в «Обскурионе» тоже. Но раз так, почему у него тогда такой... изъян?

– По нему и не скажешь, что он слепой. Во всяком случае, двигается и ведет он себя как зрячий, – заметил Фьор.

– Джада! – резко опомнилась Кристина. – Ей же нужен врач! Где живет канатоходец?

Но, как оказалось, с Джадой было все в порядке. Когда Кристина с канатоходцем пришли к трейлеру, гимнастка уже сидела на своей кровати, целая и, похоже, относительно невредимая. Водителя, лежавшего без сознания, когда Кристина уходила, не было; Риона сказала, что он очнулся и ушел к себе. Похоже, все отделались легким испугом, парой мелких порезов и синяками.

Заботы Кристины Джада не оценила и довольно резко заявила, что помощь ей не нужна.

– Извините, – сконфуженно пробормотала Кристина, чувствуя себя неловко за то, что зря потревожила канатоходца.

– Ничего, – ответил тот и как-то так душевно потрепал ее по плечу, что вся неловкость Кристины сразу прошла. Она взглянула в добрые глаза канатоходца и подумала, как повезло с ним его пациентам в той, прежней жизни; когда доктор располагает к себе – это огромное облегчение для больного. И снова сам собой возник тот самый вечный вопрос: как, ну как мог этот врач стать лишним в своей собственной жизни?

Кристина пожала плечами в безмолвном «Подумаешь!», проводила канатоходца из трейлера и осталась снаружи. Вскоре к ней присоединились Риона и с большим интересом выслушала пересказ событий последнего получаса.

– Надо же, другой цирк, – потрясенно покачала головой она. – Нет, я, конечно, слышала. И верила. Но...

Кристина понимающе кивнула. Просто верить и однажды получить подтверждение своей веры – это совсем разные вещи.

– Я пойду посмотрю; ужасно интересно! – решила Риона и быстро ушла.

Кристина огляделась. Ночь отступала, темнота редела под натиском позднего осеннего рассвета. Лес, обрамлявший дорогу с двух сторон, из пугающе-черного превратился в мистически-серый. Черный автокараван «Обскуриона» уже не казался таким угрожающим, хотя все равно никак не походил на цирковой. Людей по-прежнему было не видно; то ли они сами поняли, что никуда прямо сейчас не едут, и пошли досыпать, то ли в ее отсутствие Кабар сообщил им, что они остаются здесь на некоторое время, и все разошлись по своим «домам». В любом случае сейчас это безлюдье не пугало.

После нервной встряски адреналин еще не схлынул, спать совсем не хотелось, и Кристина решила прогуляться вдоль растянувшегося на обочине трассы «Обскуриона»; мрачный автокараван отпугивал и одновременно притягивал.

Черные бока автобусов, трейлеров и грузовиков выглядели совершенно одинаковыми, все двери были закрыты, все стекла – тонированные, что делало бесполезной попытку заглянуть внутрь. Зато те, кто сидел там, могли беспрепятственно смотреть на нее, и от этой мысли Кристина поежилась; внезапно сразу стало казаться, что из-за зеркальной поверхности на нее сейчас пялятся десятки недружелюбных глаз... Воистину воображение – великая вещь! Сам придумаешь – сам испугаешься.

Придя к выводу, что внешний осмотр чужого цирка ничего ей не даст, Кристина решила, что пора возвращаться. Обошла автобус, чтобы обратно идти с другой стороны автокаравана, – и замерла, прижавшись спиной к черному металлическому боку: с другой стороны стояли Кабар с Джорданом.

Если раньше совесть еще попрекала Кристину, когда той доводилось пусть даже и случайно, но подслушивать, о чем говорят циркачи, сейчас она даже не пискнула. Видимо, тоже поняла, что в реалиях этой странной жизни именно так можно получить больше ценной информации.

– ...Эти пять звезд наверху афиши? – низкий, отдающийся легкой вибрацией в позвоночнике голос принадлежал Джордану.

– Ну.

– Знаешь, что это такое?

– Никогда не задумывался. Наверное, просто для красоты, – ответил Кабар. – Или это типа какой-то рейтинг? Вроде как звезды у отеля?

– Это уровень сложности города.

– Уровень сложности?

– Я что, недостаточно четко сказал?

– Нет, я просто... удивлен, вот и все.

– Ты никогда не слышал про уровни сложности городов, в которых вам предстоит давать представления?

– Наш прежний директор нам ни о чем таком не рассказывала. Но я подозреваю, она и сама об этом не знала; директор из нее был никудышный. Да и тот, до нее, тоже не лучше. Однажды он вообще...

– О недостатках ваших прежних директоров пожалуйся кому-нибудь другому, – довольно резко оборвал Кабара, севшего на любимого конька, Джордан. – Я сейчас говорю про звезды. Пять звезд означает максимально трудную аудиторию. Я бы спросил, доводилось ли вам уже выступать в таких, но, кажется, я уже знаю ответ – ты ничего не знаешь.

Голос Джордана звучал ровно и невозмутимо, но его слова вселяли тревогу. Хотелось ухватиться за призрачную соломинку сомнений: может, он обманывает и специально нагнетает обстановку? И в то же время Кристина не сомневалась: Джордан говорит правду.

– Черт, – выругался Кабар; он, похоже, тоже сразу поверил услышанному. – А мы, как назло, очень ослаблены.

– Да, одни вы не справитесь, – безжалостно подтвердил Джордан. – Будет удаление, и, скорее всего, не одно.

Кристину прошиб пот. Несколько удалений? Она наверняка будет одной из первых, она же до сих пор так и не выяснила, с каким номером ей выступать! Цирк не будет щадить ее вечно.

«В первую очередь думаешь о своей собственной шкуре, да? – не преминул пнуть ее внутренний голос. – Эгоизм – наше все!»

«Какая мне разница, кто еще удалится, если меня уже так и так не будет?» – парировала Кристина и сосредоточилась на другом интересующем ее разговоре.

– ...Предложить вариант, – ухватила она конец фразы Джордана. – В принципе мы можем вам помочь.

– Как?

Ответа не последовало, но зато она отчетливо услышала шумный выдох Кабара. Что происходит? Что сделал Джордан?

Не удержавшись, Кристина осторожно выглянула из-за угла и увидела, что Джордан протянул Кабару какой-то большой лист бумаги. Что это? Хотелось выглянуть еще раз и разглядеть получше, но Кристина понимала, что рискует быть замеченной. Так что лучше потерпеть. Тем более что из дальнейшего разговора, наверное, станет больше понятно.

– Разве такое возможно? – внезапно осипшим голосом спросил Кабар.

– Как видишь, – невозмутимо ответил Джордан.

– Но... как?

– Примерно так же, как и у вас. Вы получаете свою афишу – и едете в указанное место. Мы получаем свою. Вчера мы получили эту афишу.

– Поразительное совпадение, – пробормотал Кабар, и Кристина беззвучно охнула; кажется, она поняла, что за лист бумаги был в руках метателя ножей. Джордан передал ему афишу своего цирка, и та вела их в тот же город, в который направлялся сейчас и «Колизион».

– А что там насчет помощи, о которой вы говорили? – спросил Кабар.

– Мы готовы провести совместное с вами представление, – ответил Джордан.

– Э-э... – замаялся метатель ножей, – но мы...

– Мы очень хороши, – перебил его Джордан. – У нас никогда не бывает удалений. Никогда, – подчеркнул он.

– Я даже не знаю, – неуверенно пробормотал Кабар.

– Вы хотите удалений? Конкретно ты – хочешь? – требовательно осведомился Джордан. И, видимо, увидев ответ, продолжил: – Так я и думал. Что ж, тогда решено, мы дадим общее представление. Но за это я потребую с вас плату.

«Вот это я понимаю – навыки ведения переговоров! Высший класс! – усмехнулась про себя Кристина. – Ты еще не решил, нужно ли тебе вообще то, что предлагают, – но уже пожи-

маешь руку, скрепляя соглашение. А когда тебя ставят перед фактом, что ты теперь еще и должен за услугу, ты просто соглашаешься».

– Какую? – настороженно спросил Кабар.

– Мы заберем с собой двоих ваших артистов, – ответил Джордан.

– Кого? – спросил метатель ножей.

Деловитые нотки в его голосе неприятно царапнули слух. Предложение Кабара не возмутило, он готов торговаться за то, чтобы отдать тех, кого ему не жалко.

– Еще пока не знаю, мне нужно получше присмотреться.

– Мы и так ослаблены, а без двух артистов станем еще уязвимее.

– Что ж, – после паузы ответил Джордан, – полагаю, я могу забрать их не сразу, а через какое-то время, чтобы ты – или настоящий директор, если он у вас появится, – мог найти замену.

Кристине очень хотелось остаться и послушать, о чем разговор пойдет дальше, но боковым зрением она заметила какое-то движение возле одного из автобусов и с сожалением поняла, что не может оставаться здесь дольше: всякому будет очевидно, что она подслушивает, а быть пойманной на этом занятии не хочется. Особенно пойманной Джорданом, от одного только взгляда на мозаичные очки которого становилось не по себе.

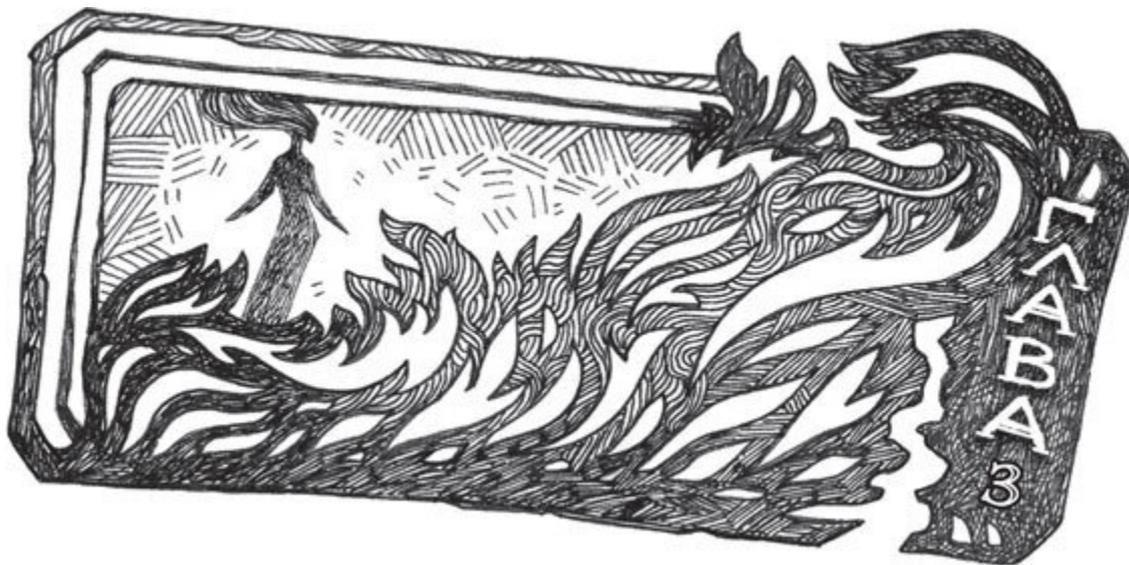
Повернувшись спиной к черному автокаравану, Кристина перешла как всегда пустынную трассу, уже даже не задаваясь вопросом о том, где, в каком мире или в каком измерении лежат пустые дороги, по которым они ездят, и направилась к припаркованному чуть поодаль, вдоль обочины на другой стороне, «Колизиону».

Над горизонтом поднималось бледное подобие солнца; белесые лучи не столько рассеивали утренний туман, который каждое утро неизменно укрывал окрестности, сколько меняли его цвет с серого на молочный. На этом фоне яркий, пестрый городок на колесах казался пришельцем, случайно завернувшим сюда из какого-то совсем другого мира.

Кристина бросила взгляд через плечо на припаркованный позади «Обскурион». Черный, мрачный, угрожающий, он подходил этому зыбкому туманному междумирию куда больше, казался увереннее, агрессивнее, сильнее. И предложение Джордана о помощи вдруг показалось рукой, протянутой не чтобы поддержать, а чтобы столкнуть в пропасть.

Глава 3

На завтрак циркачи вышли невыспавшимися и подавленными. Неопределенность их положения не могла не угнетать, а присутствие рядом «Обскуриона», похоже, всех держало в напряжении. Но когда с переносных мангалов потянуло жареным беконом и тостами, а в воздухе поплыл аромат кофе, все незаметно приободрились. Когда перед тобой стоит тарелка с аппетитной едой, мысли о мрачном будущем сами собой на время отступают.

Намазав тост джемом, Кристина налила себе самую большую кружку кофе, которую только смогла найти, – день обещал быть длинным и непростым, а она после подслушанного разговора так и не сомкнула глаз, – и устроилась на раскладном стуле чуть поодаль ото всех, так, чтобы держать в поле зрения «Обскурион» и спокойно подумать. В голове крутились слова Джордана об афише и совместном представлении и мысли о принтере, который, похоже, указал именно на нее. Последнее особенно давило. Цирк выбрал Кристину директором. Цирк сейчас находится в очень трудной ситуации, и она не имеет права малодушно отступить! Но ох до чего же страшно взваливать на себя такую ответственность! Это и в нормальных условиях было бы непросто, а уж сейчас!

И Кристина, и остальные циркачи то и дело поглядывали в сторону «Обскуриона». Никто не выходил наружу, не готовил еду, не начинал репетиции и тренировки... Как у них организован быт? Они вообще завтракают? Может, их пригласить к себе? Угостить? Знает ли кто-то, как положено себя вести в ситуации, когда встречаются два цирка, укомплектованные невидимыми для остального мира людьми, которых выбросило из их собственных жизней?

Циркачи «Обскуриона» высыпали на улицу чуть позднее, все одновременно, словно по команде, и выстроились шеренгой вдоль своего автокаравана. Все в тех же темных, защитного цвета штанах и комбинезонах, они и правда больше всего напоминали армейскую группу, готовящуюся к выполнению тактического маневра.

Артисты «Колизиона» позабыли о завтраке, с беззастенчивым интересом пялясь на коллег. Вот перед шеренгой появился Джордан, с Рондой чуть позади, и обвел своих людей взглядом, словно генерал, оценивающий готовность войска. Затем что-то негромко сказала Ронда, и шеренга циркачей распалась. Но не хаотично, а на четко организованные группы, каждая из которых занялась своим делом, быстро устанавливая на поляне вдоль обочины все необходимые снаряды и оборудование для тренировки.

Всего пара минут – и циркачи «Обскуриона» уже всю отработывали каждый свою цирковую рутину.

Кристина заворуженно смотрела на взлетающих в воздух гимнастов, на строящих сложные фигуры акробатов, на мельтешащие шарики жонглеров, на эквилибристов и ходулистов, на хулахуперов и джамперов – и тщетно пыталась понять, чем то, что делают они, отличается от того, что делают артисты того же жанра, но в их цирке. Вроде бы одни и те же навыки, одни и те же приемы, но общее впечатление от представления «Обскуриона» – даже в таком черновом тренировочно-разминочном варианте – в корне отличалось от того, какое производил «Колизион».

Движения черных циркачей были более резкими и стремительными; казалось, для них это было не представление, а сражение, в котором они быются не на жизнь, а на смерть. В каждом артисте чувствовалось напряжение, в каждой сцене – напор, в каждом номере – агрессия. Когда-то давно, когда Кристина еще занималась плаванием, на одно из занятий по хореографии на паркете к ним пришла девочка из секции смешанных боевых искусств. Смотреть за циркачами «Обскуриона», репетирующими свои номера, были примерно так же, как наблюдать за той девочкой, пытавшейся исполнять хореографические па. О нет, она безукоризненно повторяла каждое движение! Но в ее жестах совершенно не было необходимых грации, мягкости и плавности, и потому каждое танцевальное движение у нее походило на удар. Вот и с циркачами «Обскуриона» создавалось примерно то же самое впечатление.

А затем, через некоторое время, черные циркачи все разом, снова будто по неслышной команде, остановились и собрались вместе. Но не хаотичной толпой, а четким строем. В туманной дымке призрачного утра понесся низкий, четкий ритм барабанов, и строй циркачей ожил.

Это был самый необычный, мрачный, пробирающий до костей и в то же время впечатляющий групповой номер, в котором не было отдельного «я», были только идеальные детальки одного целого организма, точно знающие, что и как им делать, чтобы перед зрителями складывался удивительный живой пазл, который отличала та же резкость и агрессивность в движениях, что и каждого отдельного циркача. Кто бы ни делал эту постановку, он был настоящим талантом! А уж если представить себе, как это будет выглядеть в сценических костюмах, со световыми эффектами и музыкой! Ух!

Чем дольше Кристина смотрела, тем лучше начинала видеть общий замысел номера. Похоже, циркачи показывали что-то вроде сражения двух армий, только не «стенка на стенку», а нечто намного более эстетичное и хореографически продуманное. Эти отдельные группы, перемещающиеся только подчеркнута вперед или назад, эти резкие броски по диагонали, после которых стоявшие на пути одной группы циркачи падали на землю... Да это же битва на шахматном поле! Завораживающая, посылающая вибрации самой настоящей опасности и притягивающая своей жесткой красотой!

У Кристины перехватило дух. Предполагалось, что циркачи генерируют максимальную энергию во время представления на арене перед публикой. Если «Обскурион» сумел создать такое напряжение прямо здесь, на обочине дороги, без костюмов, реквизитов, света и музыки, то каков же будет эффект под куполом шатра, перед зрителями? Да, если «Обскурион» всегда заканчивает свой шоу именно так, неудивительно, что у них никогда не бывает удалений. Перед таким напором этой яркой, требовательной, пугающей и одновременно захватывающей энергии представления не устоит ни один даже самый утомленный жизнью зритель.

Глянув по сторонам, Кристина увидела, что все циркачи «Колизиона», как и она, не сводили глаз с происходящего. На одном из грилей печально догорал бекон, а нахальный голубь уселся прямо на забытую Кристиной тарелку с тостом и сейчас беспрепятственно клевал хлеб. В глазах циркачей отражались те же трепет, восторг и смущение, которые испытывала Кристина; их «Колизион» внезапно стал казаться сырым и убогим дальним родственником из глу-

хой провинции, который что-то там пытается изобразить в своей самодеятельности, а настоящие профессионалы – вот они, перед ними.

Групповой номер закончился моментом «живой фотографии» – каждый из циркачей замер в своей позе и держал ее несколько долгих мгновений. Впечатляющая человеческая композиция постояла так немного, а затем снова, словно по команде, рассыпалась. Раздались смешки, возгласы и приветствия, наэлектризованная атмосфера разрядилась, напряжение, витавшее в воздухе, спало.

Кристина выдохнула и только сейчас поняла, как была скована все это время.

Весело переговариваясь, циркачи «Обскуриона» потянулись к двум автобусам, боковые панели которых поднялись, превратив их в этакие фуд-траки.

Циркачи «Колизиона», смущенные и подавленные, вернулись к позабытой еде, то и дело бросая взгляды на коллег через дорогу, которые разбредались кто куда с полными тарелками.

– Привет! – услышала Кристина рядом с собой незнакомый голос и повернула голову. Она так засмотрелась на циркачей, что даже не заметила, как к ней подошел улыбчивый светловолосый парень из «Обскуриона». – Можно составить компанию?

– Э... конечно. Только боюсь, пригласить сесть со мной за стол не получится, стульев нет, – ответила Кристина.

– А я все предусмотрел, – с широкой улыбкой сказал парень и приподнял захваченный с собой сложенный раскладной стул.

– Тогда, конечно, садись, – кивнула Кристина. Она не собиралась упускать возможность узнать побольше о другом цирке – и особенно о цирке, с которым им, похоже, придется давать совместное представление.

– Дэнни, – представился парень и протянул руку. – Шут.

Автоматически ее пожимая, Кристина отметила выкрашенные темно-зеленым, почти черным лаком ногти, скользнула взглядом выше, задержавшись на золотых колечках в ушах и ярко-синих – не мистических или нечеловеческих, а просто необычайно ярких – глазах. И только в зрачках словно плескалась живая, сверкающая чернота. Интересно, это только у него так – или у всех артистов «Обскуриона»? Этакая отличительная метка циркача – как серебристое мерцание глаз всех обитателей «Колизиона».

– Шут? – переспросила она. – Это типа клоун?

– Можно и так сказать, – легко согласился Дэнни. Улыбка у него была заразительной, а ярко-синие глаза располагали к себе. – А ты?

– Крис.

Дэнни продолжал на нее смотреть, и Кристина, замороженная движением черноты в зрачках собеседника, запоздало сообразила: он ждет продолжения, она должна назвать не только свое имя, но и роль в цирке. Но что ей ответить? Не рассказывать же совершенно незнакомому человеку всю свою запутанную цирковую историю?

– И какой у тебя номер? – мягко подтолкнул Дэнни.

– Номер? – переспросила Кристина.

– Да, номер. Кого ты играешь?

– Я никого не играю.

– Каждый кого-то играет. – Дэнни усмехнулся, но не стал настаивать на продолжении. – Рад знакомству.

– И я. Мм... наверное. А вы часто пересекаетесь с другими цирками? – поспешно сменила тему Кристина.

– Не сказал бы. На моей памяти вы первые. А вы?

– То же самое.

Возникла неловкая пауза, но она не успела даже толком оформиться, когда Дэнни ловко ее разрушил.

– Угощайся, – предложил он, протягивая тарелку, на которой лежали румяные пончики.

– Спасибо, – поблагодарила Кристина. – Классная у вас кухня, – кивнула она на «фудтрак». И заметила, что многие из «черных» циркачей пересекли дорогу и подошли знакомиться с артистами «Колизиона». На мгновение у Кристины возникла ассоциация с группой разведчиков-диверсантов, которые массово внедрялись в ряды врага, но она отогнала глупые аналогии. Просто циркачи «Обскуриона», похоже, были более решительными и готовыми сделать первый шаг в налаживании общения.

– Да у нас вообще неплохо, – согласился Дэнни и с аппетитом откусил от пончика. – Насколько это, конечно, возможно в наших обстоятельствах, – добавил он.

Не зная, что ответить, Кристина попробовала предложенное угощение. Обсыпанный сахарной пудрой пончик оказался горячим и неожиданно вкусным, почему-то вызывая ассоциации с детством, хотя на самом деле никаких ярких детских воспоминаний, связанных именно с этим жареным лакомством, у Кристины не было.

Доедая пончик, Кристина исподтишка рассматривала Дэнни. Он почему-то казался ей знакомым: то ли он ей кого-то напоминал, то ли она его где-то видела. Но Кристина никак не могла понять где. Вряд ли в своем Верходновске, скорее уж где-то в сети или на экране. На кого же он похож? На какого-то певца? Актера? Известного блогера? Нет, как Кристина ни старалась, вспомнить не получалось.

– У вас очень красивый караван, – заметил Дэнни, окидывая взглядом вереницу ярких, разноцветных машин «Колизиона».

– Что есть, то есть, – подтвердила Кристина с неожиданным для нее самой чувством гордости. Когда она так успела привязаться к цирку, что комплимент ему вызвал такую теплую реакцию? – А ваш, честно говоря, на цирковой караван вообще не похож...

– Не знаю, кто и когда задал нашему цирку такой стиль, но, когда я туда попал, он уже был таким. Может, наш основатель не знал значения слова «цирк» и перепутал его с похоронами?

Кристина усмехнулась.

– Мне он больше напоминает военную колонну, – призналась она. – Даже не военную, тогда бы все было цвета хаки, а колонну наемников... Или инкассаторов.

– А вы тогда грабители музеев, – задорно парировал Дэнни. – Вон там у вас что за экземпляр?

– Какой? – не поняла Кристина.

– Да вон тот, винтажненький, – кивнул Дэнни на бывший трейлер Графини. – С него еще пожилой Пьеро подмигивает.

Кристина не сдержалась и прыснула; шут «Обскуриона» действительно был забавным!

– Там обычно живет наш директор, – сказала она.

– Обычно? – поднял брови Дэнни. – А что, ваш «я-весь-из-себя-такой-крутой, пойдём-красотка-погуляем» директор решил выделиться и потребовал себе в единоличное пользование самый большой автобус?

Кристина снова прыснула, хотя, казалось бы, настроение было максимально далеким от хорошего и обстановка к смеху не располагала. Но уж очень смешно Дэнни описал Кабара. И вообще-то да, такой поступок был бы вполне в стиле метателя ножей; чем дольше он пробудет в должности директора, тем чаще станет забывать о приставке «и. о.» и крепче верить, что он – настоящий директор, а раз так, то ему полагаются привилегии.

– Кабар официально не директор. Он временно исполняет обязанности директора.

– Временно исполняет обязанности? – Ярко-синие глаза Дэнни комично округлились. – А так бывает? Разве цирк не дает вам знать, кого выбрал новым директором, когда удаляется старый?

– Ну... как бы да, но на этот раз у нас что-то пошло не так... – расплывчато ответила Кристина. Перед глазами встал принтер, распечатавший афишу прямо ей в руки, встрепенулось чувство вины, и она напряглась; продолжать эту тему не хотелось.

А у Дэнни был словно встроенный радар на ее состояние – или же просто так удачно совпало, но он сменил тему.

– А вон то чудо автомобилистики? – указал он на старинный желтый лимузин, словно сошедший с открыток середины прошлого века с видами Италии. – Он для какого-то номера?

– Да вообще-то нет. Просто машина.

– «Просто»! – воскликнул Дэнни. – Да любители ретроавтомобилей разрыдались бы от восторга, глядя на него, а потом поставили бы в шикарный гараж и сдували бы с него пылинки! Ой, а вот там – что это у вас там такое? Никогда ничего подобного не видел!

Кристина проследила за взглядом Дэнни и поняла, что он смотрит на цыганскую кибитку.

В голове будто зазвенел колокольчик тревоги. Наверное, она не должна вот так свободно делиться подробностями жизни их цирка. Кристина не была уверена, что это секретная информация, никто ей ничего подобного не говорил. Но, вероятно, не говорил лишь потому, что никому и в голову не приходила вероятность встречи с другим цирком. А обычные люди их все равно за пределами циркогородка не видели...

– Хранилище для реквизита, – аккуратно ответила она и огляделась.

Артисты обоих цирков смешались и сейчас оживленно болтали, причем казалось, что больше радовались именно циркачи «Обскуриона», что совсем не соответствовало мнению, сложившемуся о них у Кристины. Впрочем, на ее мнение повлияли черный цвет цирка, мрачная одежда его артистов и, конечно, пугающий директор. Но нельзя же судить о людях по одежке, не так ли? А Кристина сделала именно это, ведь цвет автокаравана и одежды и даже образ директора – это не что иное, как внешняя обертка.

Весело смеялась над шуткой какого-то темноволосого парня Риона, всюду флиртвала с ярким красавчиком, словно сошедшим с постера боевика, Джада, мило беседовал с какой-то невысокой изящной девушкой Фьор, а не слишком разговорчивого Вита взяли в тиски сразу две хорошенькие циркачки, и, похоже, под их напором он сдавался.

Случайно налетел на кого-то из артистов «Обскуриона» Летун, задумавшийся на ходу о чем-то своем. Кажется, он извинился, однако высокий циркач, похоже, не торопился принимать его извинения; он угрожающе навис над и так не оделенным богатырской статью парнем и что-то угрожающе ему сказал. Летун в ответ упрямо выпятил подбородок и что-то с вызовом ответил. Похоже, намечался первый конфликт.

Кристина напряженно наблюдала за происходящим и, когда здоровяк из «Обскуриона» отвел руку, явно собираясь ударить, даже вскрикнула. Но уже летевший кулак парня перехватили двое других «черных» циркачей; они крепко стиснули здоровяка с обеих сторон и с застывшими вежливыми улыбками на лицах фактически силой его увели.

– А где у вас проходит обряд посвящения? – отвлек Кристину голос Дэнни.

– Обряд посвящения? – рассеянно повторила она.

– Ну да. Церемония, на которой цирк признает тебя своим.

Кристина отвела наконец взгляд от Летуна, которому сейчас больше ничто не угрожало, и заставила себя сконцентрироваться на вопросе. Обряд посвящения... Визит в цыганскую кибитку обрядом или церемонией никто не называл, но, наверное, Дэнни имел в виду именно это. Хотя еще до первого визита в кибитку происходило кое-что другое. Может, это и было посвящением?

– Первую ночь новенькие обязательно спят в одном из трейлеров, у входа в который висит табличка с мелком. Наутро на ней появляется их цирковое имя, – рассказала Кристина чистую правду.

– Просто появляется – и все? Никаких испытаний? Никаких проверок?

– Ну, если бы цирк назвал меня какой-нибудь условной Кракозьяброй, наверное, это стало бы для меня тем еще испытанием.

Дэнни улыбнулся, оценив незатейливую шутку, и сказал неожиданно серьезным тоном, заметно выбивающимся из общей легкости:

– Гуманно у вас тут все...

– А у вас как? – тут же заинтересовалась Кристина, но ответа получить не успела: на середине дороги, ровно между черным «Обскурионом» и разноцветным «Колизионом», вышли Джордан с Кабаром.

* * *

Метатель ножей пытался держаться уверенно, по-лидерски, но рядом с директором чужого цирка было особенно заметно, чья аура власти подлинная, а чья – наносная.

– Мы выяснили, что у обоих наших цирков афиша в один и тот же город, на одну и ту же дату, – без предисловий заявил Джордан, обводя взглядом циркачей. Лучи света отражались в разноцветных кусочках его непроницаемых «витражных» очков и отскакивали в воздух разноцветными пятнышками.

– Один и тот же, – весомо повторил стоящий чуть позади Кабар. Кристина отметила, что сегодня он был не в своей повседневной одежде, а в брюках и рубашке с подтяжками; они составляли часть его сценического костюма и очень ему шли, о чем метатель ножей наверняка знал.

– И мы приняли решение провести совместное представление, – продолжил Джордан.

– Совместное! – выразительным эхом подхватил метатель ножей.

Кристина едва не засмеялась. Больше всего их и. о. директора сейчас напоминал ретивого ассистента, который отчаянно пытается выслужиться перед боссом, но делает это крайне нелепо.

Покосившись на циркачей, Кристина поняла, что это заявление застало врасплох всех; артисты «Обскуриона» тоже не знали о планах своего директора.

– И как это будет происходить? – первым подал голос Вит.

– А совместные номера будут? – присоединился кто-то из циркачей «Обскуриона».

– Если что, я только за! – выкрикнул парень, с которым флиртвала Джада, и подмигнул гимнастке. – Я уже и шикарную напарницу присмотрел!

– Мы поставим один шатер и будем по очереди показывать наши номера, – без промедления ответил Джордан.

– По очереди! – многозначительно повторил Кабар.

– Когда представление закончится, мы разъедемся.

– Разъедемся... – на этот раз более или менее угадал подходящее для выделения слово метатель ножей, но выбрал совершенно неуместный тон – мрачный и злобный.

– И учтите, мы заберем с собой двоих из вас – в качестве оплаты за помощь.

Слова Джордана были встречены озадаченной тишиной. И даже Кабар промолчал, не повторив эхом ни одного слова.

– И о какой же помощи идет речь? – снова первым подал голос Вит.

– У следующего города пятая категория сложности, одни вы не справитесь, тем более после того, как потеряли сразу нескольких человек, – ответил Джордан. Сделал паузу, а потом усмехнулся: – Ах да, вы же ничего не знаете о категориях. Что ж, ваш выход, коллега, – махнул он рукой Кабару.

Метатель ножей расправил плечи и словно подросток на несколько сантиметров.

– У каждого города, в котором мы даем представление, есть своя категория сложности аудитории, – сказал он с таким видом, словно объяснял нечто давно ему известное; если бы

Кристина не подслушала тот его разговор с Джорданом, то даже поверила бы, что он и правда все знал. – Наш следующий пункт назначения – максимально сложный, и это значит, что мы должны выложиться на все сто пять процентов, чтобы «пробить» всех до единого зрителей. С учетом наших недавних потерь, может, и на все сто десять. Если это не удастся, нам грозят массовые удаления. Одни мы не справимся. Вместе с ними у нас есть шанс.

Кристина огляделась, оценивая реакцию циркачей, и подумала, что, наверное, когда она подслушивала разговор, у нее было такое же выражение лица, как у них сейчас, – целый спектр самых разных эмоций, от растерянности и недоверия до страха и паники.

– Вы что, не знали? – шепотом спросил Кристину Дэнни.

Девушка только молча помотала головой.

– О, – коротко воскликнул шут. Чуть помолчал, а потом уточнил: – Не знали про следующий город – или вообще в принципе не знали?

Кристина выразительно на него посмотрела, и рот Дэнни округлился в еще одном «О», только на этот раз безмолвном.

– А с чего вообще вы взяли, что там такая сложная аудитория? Вы уже выступали в этом городе? – снова взял на себя роль озвучивателя общих мыслей Вит, обращаясь на этот раз напрямую к Джордану.

В полной тишине директор «Обскуриона» медленно подошел вплотную к Виту. Джордан был высоким и массивным, и окружающая его аура непонятной угрозы делала его еще больше. Но когда он встал напротив Вита, Кристина не без удивления осознала, что они, оказывается, одного роста. Наверное, Джордан даже немного пониже, но котелок на голове уравнивал его с Витом.

Несколько мгновений витражные очки пристально пялились на парня, и Кристину, всего лишь наблюдающую за этим со стороны, пробрала дрожь. А вот по их ходячему «генератору электричества» было совсем незаметно, что Джордан его нервирует; то ли Вит это так хорошо скрывал, то ли и правда аура директора «Обскуриона» на него не действовала.

– Вот черт! – едва слышно прошептал сидевший рядом Дэнни, про которого Кристина уже успела забыть.

«Что сейчас будет?» – напряглась она. И тут Джордан резким движением снял очки.

Кристина шумно втянула воздух, увидев на этот раз куда ближе белые незрячие глаза. Несколько мгновений – и их снова закрыла заслонка из маленьких разноцветных осколков, вставленных в круглую оправу.

– Ты не должен быть здесь, – услышала Кристина непонятные слова Джордана. – Ты не один из нас. Как ты вообще тут оказался?

Вот теперь на лице Вита что-то дрогнуло, и ей показалось, что она уловила в его взгляде удивление и замешательство. Но тут напряженность момента разрушил Кабар.

– Все сказано на афише! – громко сказал он и развернул большой лист с эмблемой «Колизиона» и датой выступления. – Видите? Наверху пять звезд! Это вовсе не украшение; звезды показывают, насколько трудная у нас будет аудитория.

– А зачем вам нужны двое из нас? – настойчиво спросил Вит, не сводя взгляда с круглых очков, которые Джордан уже снова водрузил на переносицу, надежно скрыв незрячие глаза от чужих взглядов. – Если берешь плату, это как бы уже и не совсем помощь, не так ли?

Очки чуть наклонились вбок.

– Мы всегда ищем способ усилить наш цирк лучшими артистами, – сказал Джордан. – И не колеблясь избавляемся от слабых звеньев.

Кристина тут же нашла взглядом Мануэля; последняя стрела была явно направлена на него. Значит, по мнению Джордана, воздушный гимнаст оказался слабым звеном? Да кем он себя возомнил? Он вообще видел выступления Мануэля? Да тот же просто прекрасен!

Возмущение сыграло Кристине на руку, под его напором развеялась та парализующая аура угрозы, которую излучал Джордан.

– Именно поэтому наш цирк не знает удалений, – продолжил директор «Обскуриона». Сделал продуманную паузу и отчеканил: – Никогда. Мы никогда не теряем своих. Для тех двоих, кого я выберу, это будет счастливый билет.

С этими словами он круто развернулся и удалился, сопровождаемый тихим металлическим цоканьем каждого второго шага.

Над автокараваном повисла неловкая тишина. Циркачи смущенно переглядывались. Обычно после завтрака они всегда репетировали. Но сейчас, когда в памяти словно выжгли каленым металлом воспоминание о впечатляющей тренировке «Обскуриона», проводить репетицию совершенно не хотелось. И не было директора, который напомнил бы им о том, что они должны продолжать тренироваться, несмотря ни на что.

Еще больше подавленные и растерянные, циркачи «Колизиона» украдкой обменивались виноватыми взглядами и топтались на месте, не зная, как быть. Все-таки начать репетицию, как обычно, – или тихо разойтись?

А над опустевшей дорогой вслед удаляющемуся Джордану понесся знакомый заунывный мотив. Кристина скосила глаза и увидела незаметно подкравшегося к ней Апи, который, полуприкрыв глаза, напевал свою мрачную песенку.

– Судьба к нам равнодушна... Что хуже может быть...

Кристина не сразу поняла, что слышит новый куплет. А когда поняла, почувствовала, что сердце сжалось в тревожном предчувствии. Что это будут за слова? И главное – почему ей кажется, что слова песенки лопухого мальчишки предсказывают судьбу их цирка?

А Апи, не обращая внимания, продолжал тянуть:

– И жить совсем не нужно... И прошлое забыть...

Глава 4

Происходило что-то странное; огонь не только выходил из-под контроля, но Фьор еще и не замечал, как это происходит. Он словно «выключался», а когда приходил в себя, обнаруживал, что пытается то тут, то там поджечь что-нибудь в караване припаркованного на обочине «Обскуриона».

Да, ему не нравился этот мрачный черный цирк и его обитатели. Все они улыбались и были подчеркнута, даже как-то старательно дружелюбными, но Фьору они напоминали акул, прикидывающихся дельфинами: стоит чуть надавить – и они показывают свою хищную натуру. Ходулисту в какой-то бессмысленной короткой стычке из-за сущей ерунды якобы случайно разбили нос, а кое-кто из чужаков намеренно сшиб с ног одного из акробатов «Колизиона», хотя со стороны это и выглядело как случайное столкновение. Казалось, «черные» циркачи словно метили территорию, сразу показывая, кто тут самый сильный и главный.

Впрочем, та девушка-жонглер, которая подошла к Фьору за завтраком, была очень даже милой – как и многие другие циркачи «Обскуриона». Но в любом случае, пусть сам цирк фаер-цику и не нравился, но ведь не до такой же степени, чтобы его подсознание брало над ним полный контроль и организовывало масштабный поджог? Что вообще творится? Это его дар настолько выходит из-под контроля – или же «Обскурион» провоцирует такое обострение?

«Безопаснее будет уйти к себе и не показывать носа из трейлера», – решил Фьор, когда, в очередной раз очнувшись от небытия, осознал, что невидящим взглядом пялится на язычки пламени, жадно лижущие резину шин на одном из автобусов «Обскуриона».

Не тратя ни единого лишнего мгновения, Фьор быстрым шагом пошел к своему цирку, надеясь, что успеет дойти до трейлера, прежде чем его снова накроет и он попытается устроить очередной пожар.

Завтрак закончился, но обычно следовавшая за ним утренняя тренировка не началась; привычная рутина была разрушена – то ли отсутствием реального директора, то ли впечатляющей репетицией «Обскуриона», после которой отрабатывать свои номера стало как-то неловко. Фьору даже подумалось: уж не хотели ли «черные» циркачи этим показать свое превосходство и морально задавить? Если так, то надо признать, что им это удалось.

Возможно, будь у них директор, он бы сумел повлиять на настрой своих артистов. Или хотя бы убедиться, что они не пропустят тренировку. Но новоявленный и. о. директора не спешил прояснять ситуацию, слишком занятый втиранием в доверие к Джордану и флиртом с пока не слишком поддающейся его очарованию Рондой, а настоящий директор так и не нашелся... Почему он до сих пор не нашелся? Точнее – почему не признался?

Проходя мимо двух тесно припаркованных друг к другу черных автобусов, Фьор услышал голос, который невольно заставил его замедлить шаг. Говорил директор «Обскуриона».

– Что значит «почти уверен»?

Голос собеседника звучал глухо, и, хотя он и казался знакомым, Фьор никак не мог сообразить, кто это говорит.

– Я не видел его в деле, поэтому не могу дать стопроцентной гарантии. Но судя по тому, что я видел, это он и есть.

– И ты говоришь, он проявляется только в ее присутствии?

– Кажется, да.

– Снова «кажется»? – Голос Джордана звучал недовольно.

Ответа невидимого собеседника Фьор не расслышал. Он попытался аккуратно переместиться, чтобы заглянуть между автобусами и увидеть, с кем говорит Джордан. Похоже, это кто-то из «Колизиона». Но какие дела могут связывать одного из их циркачей с директором «Обскуриона», которого они встретили впервые в жизни? Не послали же к ним шпиона, на самом-то деле! Да и какие тайны можно у них вынюхивать?

Сделав еще один небольшой шаг, Фьор наконец увидел просвет между автобусами и два силуэта. Стоя против света, фаерщик не мог рассмотреть лиц беседующих, но это было и неважно. Он просто дождется, когда эти двое разойдутся, проследит за циркачом и узнает, кто это. А потом, пожалуй, задаст ему пару вопросов.

– Надо проверить, – донесся до Фьора голос Джордана. – Принеси мне его. И если это не он, то тебе придется задержаться.

– Надолго?

– Пока не найдешь то, что тебе поручено. Все, свободен, – отпустил собеседника Джордан.

Фьор приготовился следовать за тем, другим, как вдруг кто-то тихо вскрикнул у него за спиной:

– Ой!

Фаерщик вздрогнул, взгляд упал на землю, и он увидел, как с кончиков его пальцев срываются огненные капли и, падая на землю, подпаливают жухлую осеннюю траву, а та тлеет и неохотно пытается заняться пламенем.

– Извините, – пробормотал Фьор, сжимая пальцы в кулак, поднял голову – и отшатнулся, а мигом онемевшие губы с трудом произнесли: – Ира?

* * *

Стоя возле их трейлера, Риона яростно отчитывала загородившего вход Вита. Тот возвышался над ней на полголовы, молчал и терпеливо сносил поток претензий.

– Что случилось? – спросила Кристина.

– Ничего, – резко ответила Риона. – Просто *некоторые*, – ткнула она пальцем в Вита так, будто это была рапира и она хотела ею его пронзить, – в очередной раз отказываются принимать ответ «нет»!

– Он тебе замуж, что ли, выйти предложил? – пошутила Кристина, пытаясь разрядить обстановку. Она прежде замечала особую враждебность танцовщицы к Виту, но сейчас та из

нее буквально выплескивалась – через край! Что такого натворил их ходячий генератор электричества, из-за чего она так бурно реагирует?

Риона на шутку не отреагировала.

– Он прекрасно знает, что мне неприятно его общество, но все равно продолжает его навязывать, – ответила танцовщица таким высокомерным, ледяным голосом, что Кристина живо представила себе, какой та была, когда впервые оказалась в «Колизионе» и за что заработала прозвище Принцесса – в некомплементарном значении.

Вит продолжал невозмутимо стоять со скрещенными на груди руками, загораживая вход в трейлер, и никак не реагировал на выпады Рионы – не оправдывался, не спорил, не пытался объясниться. Просто молчал и ждал.

– Ну поговори ты с ним; тебе так жалко пять минут времени? – примирительно спросила Кристина. – Все равно мы скоро уже должны трогаться.

Риона недовольно поджала губы и, кажется, собралась спорить дальше, но тут мимо них на довольно большой скорости пронесся один из автобусов «Обскуриона». А за ним – еще один, и еще, и еще; автокараван черного цирка тронулся. Значит, они следующие.

И действительно, через несколько мгновений загудели автобусы и трейлеры «Колизиона», давая сигнал к отправлению.

Риона мученически вздохнула, давая миру понять, на какую жертву она идет, и подошла к Виту.

– Ну? Так и будем тут стоять? Или ты наспустишь?

Вит колебался пару секунд; он явно хотел поговорить с Рионой до отправления, но этого сделать уже не получалось.

Риона фыркнула и забралась внутрь. Кристина последовала за ней, и молчаливый акробат, которому выпало сегодня быть их водителем, завел мотор. Трейлер медленно тронулся, и Кристина увидела, как Вит, оставшись в одиночестве, вдруг присел на корточки на обочине дороги, достал откуда-то лампочки и стал быстро втыкать их в землю. Нити накаливания в стеклянных колбах загорелись, и все вместе лампочки образовали причудливый световой узор. Зачем Вит это делает? У них же сейчас нет представления!

Впрочем, Кристина сразу забыла о загадочном поведении Вита, когда наконец увидела, что в трейлере не оказалось соседок.

– А они где? – кивнула девушка на пустые кровати.

– Поехали с «Обскурионом», – ответила Риона. – Думаю, не хотели прерывать флирт; за завтраком они все очень мило болтали с тамошними парнями.

– Или захотели оказаться в числе тех двоих, кого «Обскурион» заберет с собой после представления, – выдвинула другую версию Кристина.

– Думаешь? – нахмурилась Риона. – Но зачем им это?

– У нас – тонущий корабль, на котором к тому же нет капитана, – сухо пояснила Кристина. – И неизвестно, выплывем мы или нет. А эти предлагают спасательную шлюпку.

– Не уверена, что захотела бы искать спасения именно на *этом* корабле.

– Я тоже. Но, кажется, большинство наших просто очарованы «Обскурионом». Хотя, как по мне, он выглядит довольно мрачным. И еще директор у них... брр!

– Мне сначала тоже так показалось. Но, знаешь, когда за завтраком к нам пришли циркачи оттуда, они произвели на меня впечатление очень даже приятных людей. Во всяком случае, те, с которыми я успела пообщаться. Тебе разве так не показалось? Я видела, как ты мило общалась с тем блондином...

Кристина кивнула; Дэнни и правда оказался приятным собеседником.

– Кстати, он очень напоминает мне одного блогера, – продолжила Риона. – Ну, знаешь, того эпатажного, который то налысо побреется, то придет на мероприятие не в одежде, а весь

раскрашенный боди-артом, то пожертвует несколько миллионов, чтобы создать амурским тиграм условия для размножения... Как там его зовут?..

– Точно! – с облегчением воскликнула Кристина. Ее тоже преследовала мысль о том, что Дэнни ей кого-то напоминает. Вот кого! Правда, имя этого блогера упорно от нее ускользало, но она точно знала, кого имеет в виду Риона.

Разумеется, Дэнни – не он, просто похож. Тот блогер оказаться в цирке не мог в принципе, такой человек просто не может чувствовать себя ненужным в жизни... не так ли? А Дэнни и вправду производил приятное впечатление. Но это все равно не меняло того факта, что само присутствие «Обскуриона» рядом вызывало настороженность и необъяснимое внутреннее напряжение, которое никак не рассеивалось. И подслушанный Кристиной разговор Кабара с Джорданом только сильнее питал эту тревожность. «Обскурион» вовсе не такой милый бескорыстный спаситель, каким пытается себя выставить.

И потом, был еще один важный фактор, для Кристины – решающий.

– Они выкинули Мануэля, – обвиняющим тоном напомнила она. Для нее этим было сказано все, что она думает об «Обскурионе».

– А, ну да, – протянула Риона. – За такой грех нет им прощения, и ничто на свете его не перекроет, да? – насмешливо спросила она.

Кристина ответила ей возмущенным взглядом, готовая чуть ли не с пеной у рта отстаивать Мануэля, но подруга вдруг улыбнулась, и тема черного цирка сразу отошла на второй план.

– У вас все становится серьезно?

Кристина почувствовала, как щекам стало жарко. Она никогда раньше ни с кем не обсуждала свои личные отношения. Да и не было у нее никаких отношений! Но даже если бы они и сложились, там, в прежней жизни, ей было бы просто не с кем их обсудить. А сейчас вдруг есть собеседник, с которым хочется поделиться, и есть отношения, о которых можно рассказать, и это так волнительно!

Хотя как «отношения»... Может, это еще и не отношения, Кристина не была до конца уверена. Но, во всяком случае, явно происходило что-то, что по крайней мере давало повод и основание для разговора об отношениях.

– Про «серьезно» я бы пока утверждать не рискнула, – ответила она.

– Но что-то же явно есть? Больше, чем дружеское общение? – допытывалась Риона.

– Что-то есть, – кивнула Кристина, чувствуя, как в ней борются два противоречивых желания: рассказать, потому что очень хочется, и промолчать, потому что она смущается, и вообще эта тема ей крайне непривычна!

– И что? – не отставала Риона.

– Ну, разговора о том, что между нами происходит, у нас не было. Но Мануэль, кажется, и правда оказывает мне знаки внимания, – ответила Кристина, вспоминая, как они сидели вечером под пледом, как воздушный гимнаст подходил к ней и обнимал так, словно это в порядке вещей, как даже пригласил к себе в трейлер и весьма прозрачно намекнул, что они будут там одни. Это же можно считать за знаки внимания, не так ли? А о том, как замирало от восторга собственное сердце, а потом начинало трепыхаться миллионами крылышек бабочек, и говорить не стоило!

– Вау, – с широкой улыбкой выдохнула Риона. – На него, знаешь ли, пачками вешаются.

– Знаю, – криво усмехнулась Кристина. Сложно было не замечать взглядов, которые бросали на воздушного гимнаста многие девушки цирка, и то, какую реакцию вызывал у них Мануэль, всего лишь им улыбаясь. И в «Обскурионе» – та же история! Может, его и выкинули из того цирка, но это явно не ослабило интереса к воздушному гимнасту со стороны женского пола, Кристина видела, как мило общались с ним девушки из «Обскуриона» этим утром... И как вела с ним себя Ронда – так, словно их по-прежнему что-то связывает. И ей даже не хотелось думать о том, что именно!

– Ну и он все это время уж точно не вел себя как алтарный мальчик, – продолжала Риона. – Однако ни с одной у него не зашло дальше, чем просто поразвлечься немного – и разойтись. И это не потому, что девушки не пытались. Наоборот, они из кожи вон лезли! Да что далеко ходить, возьми хоть нашу Джаду. – Девушка кивнула на пустую кровать гимнастки. – А у нее с ним даже «быстро поразвлечься» не было, хотя она так старалась! И тут появляешься ты...

– Я не пойму, ты сейчас мне комплимент делаешь или недоумеваешь, что такой, как Мануэль, нашел в такой, как я? – с нервным смешком уточнила Кристина. Она догадывалась, что вряд ли Риона хотела ее обидеть, но сама увидела в ее словах именно такой смысл... Хотя ее собеседница, весьма вероятно, его туда и не вкладывала.

– Крис, ты уродина? Нет! А красота – понятие относительное, – небрежно взмахнула рукой Риона. – Куда важнее другое: ты его чем-то зацепила! Чем-то таким, чего явно не было у всех остальных желающих. И это круто! И сейчас ну очень интересно наблюдать за тем, как наш неприступный красавчик наконец-то дал слабину!

Искренность танцорши мгновенно растопила образовавшийся в душе Кристины лед.

– Ну, я бы пока все равно не стала так уж уверенно говорить про слабину, – смущенно пробормотала она, хотя слышать слова Рионы было очень приятно. – А ты? – внезапно спросила она, решив, что сейчас самый подходящий момент задать волнующий ее вопрос.

– Что я? – не поняла Риона.

– Я знаю, что ты ни с кем не встречаешься, но, может, тебе кто-то нравится?

– Если бы даже и нравился, он бы долго не протянул.

– Почему? – удивилась Кристина.

– Из-за Кабара. Он же все равно ко мне никого не подпустит.

– А ты ему зачем? Не заметила в нем ни искры романтического интереса к тебе!

– Хоть с этим повезло, – криво усмехнулась Риона. – Не дай бог у него появился бы такой интерес! Меня бы он точно не спрашивал, хочу я этого или нет. – Девушка вздрогнула и обхватила себя руками, словно ей стало холодно. – К счастью, я ему в таком плане совершенно не нужна. К тому же ему и так всегда хватало женского внимания.

– Вот уж чего никогда не пойму, так это что они в нем находят? – воскликнула Кристина. Она видела, как гимнастки и акробатки флиртовали и заигрывали с метателем ножей и какие улыбки посылали ему сегодня артистки другого цирка. – Ну ладно, эти, из «Обскуриона», – они его не знают. Но наши-то! Они же видят, как он с тобой обращается! Что в этом может привлекать?

– Многие путают жестокость с силой. Я и сама когда-то тоже путала. Принимала хамство за независимый характер, грубость – за уверенность в себе, а злость – за проявление силы. Типа «настоящие мужские качества», – с изрядной долей насмешки над самой собой сказала Риона. – Потребовалось очутиться в «Колизионе» и оказаться намертво связанной с таким, как Кабар, чтобы понять эти заблуждения...

Кристина была неожиданно поражена озвученными Рионой мыслями. Она никогда прежде об этом не задумывалась, но ведь подруга права! Кристина и сама часто так заблуждалась! Взять хоть того же Фила, объект ее наивного романтического интереса в школе. Она видела в нем загадочность, сдержанность и прочие привлекательные качества, хотя на самом деле это были всего лишь эгоизм, неуверенность в себе и равнодушие к другим. Однако ее симпатия застилала ей глаза и превращала неприглядные качества в благородные, красивые черты.

– А возвращаясь к твоему вопросу, – продолжила тем временем Риона, – Кабар все равно не захочет, чтобы я была с кем-то другим.

– Но почему?!

– Да просто потому, что ему нравится быть собакой на сене. А точнее, ему нравится ощущение власти надо мной, он обожает ее проявлять, и отпугивать от меня любого потенциального ухажера – одно из его любимых развлечений. Впрочем, этих потенциальных уже давно не осталось; все быстро выучили урок, что ко мне лучше не подходить.

Кристина молчала, осмысливая услышанное. У нее не укладывалось в голове, как в Рионе уживается такое противоречие. Она совершенно точно не лезла за словом в карман и не боялась его использовать, не отступала, когда дело доходило до конфликтов, и не страшилась постоять за себя. И в то же время приняла нездоровые отношения, которые сложились у нее с Кабаром, и полностью капитулировала. Смирилась. И даже не пыталась бороться. Но почему? Почему она это терпит? Ее же совершенно не устраивает такое положение вещей!

«Почему же ты ничего с этим не делаешь?» – уже почти было спросила Кристина, но в самый последний момент успела себя остановить.

Потому что она вдруг подумала: а если бы этот вопрос задали ей самой всего несколько недель назад? К ней отвратительно относились Ольги, и, конечно же, ее это не устраивало. Так почему она ничего не сделала? Почему молчала и терпела? Потому что «жертва» – это приговор, который нельзя изменить? Или потому, что у нее просто не хватало храбрости на конфронтацию? Потому что она боялась, как бы не сделать хуже? Или потому что верила, что все равно ничего не получится?

Ответа на этот вопрос у Кристины не было и по сей день.

Но зато она поняла, что, вероятно, точно так же нет ответа на ее вопрос про Кабара и у Рионы. И разве она может ее за это осуждать?

* * *

Фьор нервно выдохнул. Конечно же, это была не Ира! Просто на первый взгляд девушка оказалась на нее похожа: тот же цвет волос, та же прическа, одинаковый цвет глаз и похожий овал лица. Но стоило чуть присмотреться, и иллюзия сходства мгновенно рассеялась.

Впрочем, короткого момента заблуждения более чем хватило, чтобы испытать стресс, от которого Фьор оцепенел; он даже не смог сказать двух слов девушке и, кажется, здорово озадачил ее своей неадекватной реакцией, сначала уставившись на нее как на привидение, а потом назвав ее другим именем и убежав, ничего не объясняя.

В трейлере никого не было, Вита распределили водителем в один из автобусов каравана, Мануэль, кажется, поехал со своими бывшими коллегами из «Обскуриона», а кровать Ковбоя пустовала, напоминая о недавней потере. Оказавшись в одиночестве и все еще под впечатлением от случившегося, Фьор не смог не поддаться искушению: он достал телефон и быстро нашел страничку Иры в социальных сетях.

Новых постов по-прежнему не было. Первое время после того пожара Ира активно выставляла свои фотографии, словно пыталась ввести в заблуждение и мир, и саму себя, доказывая всем, что с ней все в порядке. Но хотя и говорят, что если ложь повторять достаточно часто, в нее поверят, в случае с Ирой ложь была слишком большой, чтобы в нее поверила она сама... И когда фальшивое благополучие, которое она транслировала на своей страничке, стало нестерпимым, Ира пропала. Фьор не видел от нее новых постов уже очень давно и лишь надеялся, что с его бывшей все в порядке – настолько, насколько это возможно для тех, кто пережил то, что довелось ей. Очень сложно собрать себя заново по крупинкам после того, как твою личность разбили на кусочки. И даже если ты соберешь их заново, можешь обнаружить, что, сложенные вместе, они дают картину совсем другого человека, и в нем ты больше не узнаешь себя...

Выключив телефон – чем больше времени он проводил в «Колизионе», тем дальше и незначительнее для него становился весь этот ненастоящий виртуальный мир, – Фьор выглянул

в окно. Рядом с ними по соседней полосе ехали черные фургоны «Обскуриона» – они казались сторожами, присматривающими за тем, чтобы их добыча не убежала.

Тонированные стекла надежно скрывали тех, кто находился внутри. И все же в какой-то момент фаерщик начал видеть в зеркальных поверхностях отражения костров, они вспыхивали то тут, то там и казались ожившими видениями из его снов.

Фьор встряхнул головой, отгоняя наваждение, – и с ужасом понял, что в его пальцах снова возникли неконтролируемые язычки пламени. Он не знал, что с ним происходило, но и так было очевидно: дело дрянь.

Погасив пламя, Фьор снова выглянул в окно. На этот раз никаких странных отражений в зеркальных поверхностях тонированных стекол; просто мрачные черные автобусы, едущие рядом с ними, словно конвой.

Фьор поежился; ощущать себя добычей не хотелось. Но, похоже, именно это с ними и произошло, а директор «Обскуриона» меньше всего походил на доброго самаритянина, решившего оказать бескорыстную помощь. И хотя Джордан и представил цену за свои услуги как огромное благо для тех двоих, кого он выберет, Фьюру это куда больше напоминало поведение хищника, который не чурается добить уже и без того раненного зверя.

Впервые с того времени, как фаерщик оказался в «Колизионе», он чувствовал себя так, словно лишился опоры под ногами. Да, его жизнь полетела кувырком, когда у него появился фамилляр, но именно тут, в странствующем цирке, она обрела некую определенность. Да, всегда оставался риск, что каждое представление могло стать последним, да, вокруг было слишком много мистики, не поддававшейся никакой логике, а значит, невозможно было предугадать будущее. И все же в некотором роде в «Колизионе» присутствовала надежность и успокаивающая предсказуемость: ты тренируешься и репетируешь, приезжаешь в новый город, помогаешь ставить цирк, даешь представление, и если после него ты все еще здесь, то завтра будет то же самое.

Однако потом случилось удаление Сола. «Колизион» пошатнулся, но все же устоял, хотя ощущение внутренней безопасности ослабло. А после отсутствия афиш, атак гончих и особенно исчезновения Графини и Ковбоя окончательно пропали все знакомые очертания и все привычные приметы.

Фьор всегда беспокоился о том, что с ним может случиться удаление, но никогда прежде не думал, что сам цирк может оказаться под угрозой существования. Однако сейчас ощущение было именно таким. А «Обскурион» казался тем самым последним гвоздем, который вобьют в крышку гроба «Колизиона».

* * *

К тому времени, как оба автокаравана остановились на обед, Кристина уже выработала план действий – и она не собиралась никому и ничему позволять сбить себя с намеченного курса.

Совсем скоро их ждет совместное представление, и никто не знает, с какими потерями выйдет из него их цирк. Но одна вещь была неизменной вне зависимости от того, один будет выступать «Колизион» или вместе с «Обскурионом»: Кристина по-прежнему оставалась самым слабым звеном, потому что она единственная на оба цирка до сих пор не знала, какой ей достался дар, и у нее не было номера.

– Извини, у меня дела, – сказала она Рионе, когда та предложила ей пообедать вместе, и быстро выпрыгнула из трейлера. Нужно успеть совершить задуманное до того, как они снова тронутся в путь, и, значит, нельзя терять время!

Кристина не стала задерживаться у столов, возле которых уже собирались циркачи, но, несмотря на спешку, она не могла не отметить, как быстро смешались артисты обоих цирков.

Они больше не держались по разные стороны дороги, не теснились около только своего автокаравана, а собрались все вместе, будто добрые старые друзья.

Впрочем, Джордана, как она убедилась, быстро просканировав толпу, среди циркачей не было. Зато Кристина сразу увидела его зама, Ронду; яркая брюнетка с саблей на поясе – похоже, она никогда с ней не расставалась! – снисходительно принимала знаки внимания от льстиво крутившегося вокруг нее Кабара.

Издали заметив Кристину, Фьор приглашающе махнул рукой, но девушка не остановилась. Она помнила, что фаерщик хотел поговорить, но сейчас ей было не до этого. А когда прямо перед ней возник Дэнни и что-то ей сказал, она на ходу пробормотала извинение и целеустремленно пошла дальше, к своей конечной цели – к цыганской кибитке.

Кристина не знала точно, что именно собирается там делать – и что вообще можно сделать по-другому, чтобы добиться от цирка ответа. Не забастовку же устраивать, на самом-то деле, и не голодовку! И тем не менее отсутствие плана конкретных действий не умаляло решительности девушки.

Дойдя до кибитки, Кристина огляделась. Она не хотела, чтобы кто-то видел, как она заходит внутрь. Не то чтобы это была такая уж тайна, но все равно лучше никому не знать. Особенно в случае, если Кристину ждет очередной провал.

К счастью, циркачи были слишком заняты даже не обедом, а долгожданным общением с новыми людьми – тем, чего им так сильно не хватало. Будучи узниками своих цирков, они навсегда лишились возможности поговорить с кем-то еще, ведь, кроме зрителей во время представления, их больше никто не видел. И тут вдруг такой неожиданный подарок судьбы. Хотя насчет подарка пока еще неясно...

В зарослях лесополосы неподалеку от обочины мелькнули чьи-то желтые хищные глаза. Кристина присмотрелась и никого не увидела.

– Те? – на всякий случай спросила она.

Ягуар не появился. То ли не захотел, то ли никого там не было, а желтые глаза – это лишь игра ее воображения

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Кристина поднялась по ступенькам и потянулась к ручке на двери кибитки.

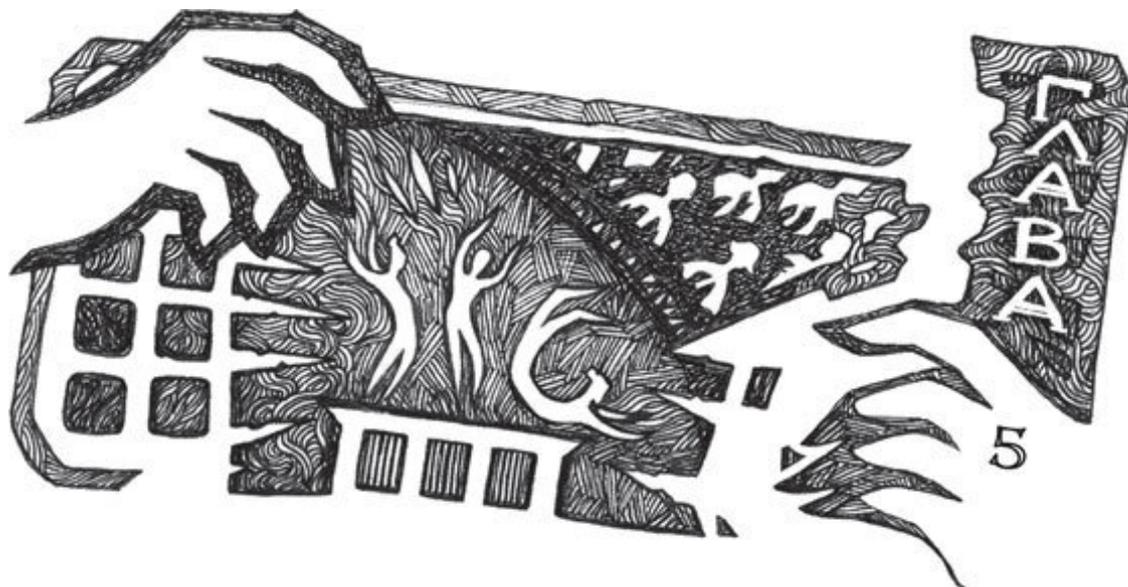
И вздрогнула от испуга, потому что ручка резко опустилась. А потом еще раз и еще.

Кто-то ее дергал.

И дергал изнутри!

Глава 5

Тина довольно улыбнулась, увидев, что Ольга с привычного для нее места – третьей парты в самом центре класса, как и положено королеве, – переместилась на заднюю парту в правом ряду. И что никто не сел рядом с ней. Лишившись компании подруги, девушка растеряла всю свою заносчивость, все высокомерие, всю надменность. Прекрасно!

Что еще более приятно, вид поверженной королевы доставлял удовольствие не только Тине, но и всему классу. Казалось, лишь освободившись от власти двух Ольг, все поняли, как сильно те их угнетали. И хотя Тине не было никакого дела до чувств одноклассников – как и любого фамильяра, ее в первую очередь волновало только ее самое непосредственное окружение, семья и близкие друзья, – она не могла не наслаждаться, видя, как ранит оставшуюся Ольгу безразличие и злорадство в глазах одноклассников. Падение одной королевы отбрасывало тень и на вторую; оставшаяся Ольга стремительно скатилась с пьедестала, и Тина была почти уверена, что это лишь вопрос времени, когда одноклассники окончательно привыкнут к ее новому низкому положению в социальной иерархии школы и начнут травить так же, как это еще недавно делала она сама.

Что ж, Тине потребовалось совсем немного времени, чтобы привести хаотичную жизнь своего «оригинала» в порядок. Ох уж эти люди! Запускают пустяковые проблемы, позволяют им из мелких сорняков разрастись до джунглей, а потом удивляются, почему у них в жизни все плохо. Да потому, что нечего сидеть сложа руки, нить, как все плохо, покорно принимать все удары и ждать, что все само когда-то изменится! Нет, люди положительно не умеют толково распорядиться выпавшим на их долю драгоценным подарком – настоящей жизнью!

Но Тина все быстро исправила! Если Кристину одноклассники ни во что не ставили, то теперь они ее как минимум уважают, никто не бросает ей обидных слов, никто не думает насмехаться или издеваться над ней. Это ее вполне устраивает, а робкие попытки некоторых одноклассниц с ней пообщаться ей не нужны, друзья Тине ни к чему. Филя, решившегося вчера неловко извиниться и пригласить ее после уроков в кафе, она послала; романтические отношения ее точно не интересовали. Во всяком случае, не сейчас и уж точно не с этим смазливой мальчишкой, который возомнил о себе слишком много. Доучиться в школе осталось всего ничего, а потом Тина уедет отсюда и будет строить совсем другую, успешную взрослую жизнь, которой никогда не свете не добился бы ее «оригинал».

Кирилла этот противный Юрка больше не достает – и не будет. На днях он наконец вернулся в школу, но теперь похож на бледную тень себя прежнего – молчит, заикается, а иногда от резкого звука может и описаться, отчего стал предметом жестоких насмешек своих бывших товарищей. Так что Кирилл теперь в полной безопасности.

После расширения мастерской, спасибо выгодному кредиту, отец стал зарабатывать больше, и мама наконец-то перестала надрываться в две смены – а это именно то, чего семье так долго не хватало. Правда, отец стал еще меньше проводить времени дома – бизнес требовал внимания, еще чаще приходил нетрезвым – удачные сделки надо обмыть, и они с матерью стали еще больше ругаться, но это все мелочи по сравнению с решением главной проблемы – материального достатка.

Словом, Тина обеспечила своей новой семье все необходимые компоненты для счастья – как и положено любому фамильяру. А то, что эти компоненты пока почему-то все никак не складываются в счастье... Тина не понимала, в чем дело. Она все сделала как надо! Вероятно, это лишь вопрос времени, всем надо привыкнуть к новой жизни, а потом, в один прекрасный момент, счастье все-таки появится. До тех же пор оставалось лишь присматривать за тем, чтобы никто не посмел вмешаться в ту новую, идеальную реальность, которую она выстраивала для семьи.

И неплохо бы выйти на связь с другими хостильерами. Пару раз ей удалось установить удачный контакт и пообщаться, но этого недостаточно, те хостильеры были так же неопытны, как и она сама. Ей бы хотелось связаться с кем-то из тех, кто живет в этом мире уже давно и мог бы научить ее каким-то вещам, ведь сейчас Тина действовала больше по наитию, наугад. Конечно, в городке хватало фамильяров, но они Тину не интересовали. Фамильяры и хостильеры соотносились друг с другом примерно так же, как кошки и тигры, – оба из одного семейства, но в слишком уж разных категориях.

Однако прежде всего надо решить вопрос с Кристиной. Будь Тина обычным фамильяром, эта проблема вообще не стояла бы. Но она была хостильером, и в этом ее сила – и ее слабость. Как хостильер, она была куда сильнее и самостоятельнее обычных фамильяров, но в то же время у нее оставалось уязвимое место – Кристина. Впрочем, яггер должен решить эту проблему, и тогда она навсегда получит новую жизнь в свое полное и безраздельное распоряжение.

Тина бросила взгляд на дату на телефоне. Возможно, яггер уже добрался до цирка. А если нет, то вот-вот доберется. До ее полной свободы остались считанные дни, если не часы.

* * *

Несколько мгновений Кристина смотрела на остервенело качающееся, стучающееся о дверь кольцо в пасти льва; в голове было шаром покати, и только одна мысль снова и снова вспыхивала, словно неоновая вывеска в ночи: «Там внутри кто-то есть. Там внутри кто-то есть...» Совсем рядом толпился целый сонм вопросов: кто туда мог зайти и зачем, ведь по доброй воле этого никто не сделает, а вдруг это кто-то из циркачей «Обскуриона», а что, если это и вовсе какая-то непонятная мистика, которой, как выясняется, «Колизион» нашпигован не хуже, чем рождественский гусь – яблоками? Но ни один из этих вопросов не успел достичь сознания и затормозить руку Кристины, которая, будто зажив самостоятельной жизнью, потянулась к двери, схватилась за кольцо в пасти льва и с силой потянула.

Зря она приложила столько усилий – дверь распахнулась так легко, что Кристина едва удержалась на ногах. А вот тот, кто бился в дверь изнутри, явно не ожидал помощи снаружи и рухнул прямо перед ней.

Девушка вскрикнула от неожиданности и чуть отступила назад. Недавний пленник цыганской кибитки выругался, чертыхнулся, зашипел сквозь стиснутые зубы и начал с трудом подниматься.

– Мануэль? – пораженно воскликнула Кристина, когда он наконец встал на ноги.

– Крис? – буркнул он, как ей показалось, с досадой и опередил ее, первым спросив: – Ты что тут делаешь?

– А ты? – тут же вернула она ему вопрос. – И как ты оказался заперт?

– Я... секунду, – простонал Мануэль, встряхнул головой и принялся потирать ушибленный локоть, сгибать и разгибать колено и потирать поясницу.

– Что с тобой там произошло? – встревожилась Кристина, испуганная симптомами травм, явно несопоставимых с одним лишь неудачным падением ей под ноги. Что с ним случилось в кибитке? Зачем он вообще туда пошел, он же прекрасно знает, как это для всех опасно! Ну, почти для всех...

Мануэль молчал, и Кристина подумала: а не случилось ли худшее? Вдруг кибитка навредила его разуму?

– Ты долго там пробыл? – Девушка затеребила воздушного гимнаста, потрясла за руки, за плечи, положила ладони на чуть колющие отросшей щетиной щеки и попыталась поймать его взгляд. – Ну же, говори!

– Я... – пробормотал Мануэль. – Понимаешь, этот «Обскурион»... Сразу так нахлынуло! Вспомнил, что было... И как-то...

Кристина шумно выдохнула – нет, он не сошел с ума! Девушка обхватила Мануэля за талию и помогла спуститься по ступенькам.

– Вот так. Все хорошо, – приговаривала она, а про себя думала, что могла бы и сама сообразить: разумеется, появление цирка, из которого его когда-то выбросили, должно было стать для Мануэля огромным стрессом. Правда, все равно непонятно, зачем он пошел в кибитку; дар у него и так есть. Может, он боялся, что появление прежнего цирка отнимет у него его способности, и решил подстраховаться? Не самое разумное решение, но – эй, много ли людей совершают логичные и взвешенные поступки, находясь в состоянии эмоционального раздрая?

В любом случае задавать эти вопросы Мануэлю сейчас было бесполезно, он находился не в том состоянии, чтобы нормально отвечать. Прежде всего его нужно увести от кибитки подальше и дать ему успокоиться и прийти в себя.

Закинув руку Мануэля себе на плечо, Кристина обернулась и бросила еще один взгляд на кибитку. Вообще-то она сама собиралась войти в нее и потребовать ответов. Но, видимо, это придется отложить на потом, не оставлять же Мануэля в таком состоянии!

Дверь цыганской кибитки, обычно закрытая, сейчас была широко распахнута – и то ли манила, то ли грозила своим открытым проемом. Внутри царил знакомый полумрак, и только около самого входа на полу валялся старинный телефонный аппарат. Почему он здесь? Он же стоял в самой глубине, у противоположной стены!

Чувствуя, что почему-то не может, не должна оставлять дверь кибитки вот так, распахнутой, Кристина убедилась, что Мануэль держится на ногах, и сказала:

– Я на секундочку, хорошо?

Воздушный гимнаст кивнул, и Кристина быстро взлетела по ступенькам. Встав в дверном проеме, заглянула внутрь. Там все было как обычно, никаких признаков разгрома. Что бы ни атаковало Мануэля, что бы ни удерживало его внутри, оно явно не имело физической формы. Впрочем, порой нематериальные вещи бывают куда страшнее материальных.

Кристина взялась за край двери, собираясь ее захлопнуть, но взгляд почти против воли метнулся к шкапулке, в которой лежал тот странный то ли диск, то ли медальон с изображением женщины с камнем в руке. По-прежнему ли он там? Светится ли он еще?

Искушение зайти и проверить было так велико, что Кристина ему почти поддалась. Но в последний момент одернула себя: сначала надо позаботиться о Мануэле, а потом вернуться и спокойно удовлетворить свое любопытство.

Кристина решительно хлопнула дверью, но та не закрылась до конца, помешал лежащий на полу телефонный аппарат. Нехотя переступив через порог, Кристина ногой, словно прикасаясь к какому-то особенно неприятному предмету, подвинула его в сторонку, а потом носком подтолкнула к нему телефонную трубку.

Все, теперь она точно освободила достаточно пространства для того, чтобы дверь плотно закрылась. Кристина с облегчением повернулась к выходу – и тут с уже знакомым тяжелым лязгом дверь захлопнулась прямо у нее перед носом.

* * *

Когда чья-то рука опустилась ему на плечо, ее холод Фьор ощутил даже сквозь одежду. Обернувшись, он встретился с ледяным взглядом темно-карих глаз помощницы директора Ронды. Эффектная женщина с саблей на боку и аурой опасности вызвала у него ассоциацию с Ларой Крофт. А еще она завоевала его непроизвольную симпатию, потому что называла Мануэля этим забавным прозвищем – Мэнни.

Не то чтобы Фьору не нравился воздушный гимнаст, вовсе нет. До недавнего времени он просто не задумывался над этим вопросом, они спокойно жили соседями, деля трейлер. Но с тех пор как в цирке появилась Крис, а еще точнее, с тех пор как ему стали являться эти странные видения с девушкой, так похожей на нее, и отголоски страсти, которую тот, другой он, испытывал во сне к той, другой Крис, стали просачиваться в настоящее, явное внимание Мануэля к Крис начало его задевать. И неважно, как часто Фьор повторял себе, что у него нет никаких чувств к новенькой, а то, что он ощущает, – это эхо тех запутанных видений, которые его почему-то стали в последнее время преследовать, – ничего не помогало.

– Да? – вежливо спросил он.

– Пойдем, – не столько пригласила, сколько приказала Ронда. – Он хочет тебя видеть.

Фьор почти было спросил: «Кто – он?» – но проглотил вопрос. И так было ясно, что Джордан. А вот видеться с ним ему совершенно не хотелось; будь у Фьора шерсть, при виде Джордана она вставала бы дыбом на загривке.

– Зачем? – вместо этого спросил он.

В черных зрачках Ронды сверкнула живая мерцающая чернота. Фьор уже заметил эту особенность у всех циркачей «Обскуриона». Интересно, и у Мануэля она раньше была? Теперь-то глаза у него сияют серебристым, как и у всех артистов «Колизиона»...

– Он захотел. Разве этого недостаточно? – подняла черную бровь Ронда, положила руку на эфес ножен и вдруг насмешливо улыбнулась. – Святые коконаты! Ты что, боишься?

Ее улыбка сбивала с толку и выводила из равновесия. И все же Фьор отказывался подчиняться, когда его так примитивно дергали за ниточки.

– Он не мой директор, и я не вижу причин идти просто потому, что он захотел, – спокойно ответил фаерщик.

Ронда чуть склонила голову набок.

– А если я тебе скажу, что тебя рассматривают как кандидата на присоединение к нашему цирку?

– Вы так уверены, что для каждого из нас это было бы счастьем и пределом мечтаний? – усмехнулся фаерщик.

Фьор не понял, что произошло, но в следующий миг ощутил, как к его горлу прижимается острое лезвие холодного клинка.

– А если так? – спросила Ронда, холодно прищурившись.

Фаерщик сглотнул и отчетливо ощутил, как от этого движения лезвие сильнее уперлось в кадык.

– И что? Перережешь мне горло? – спросил он с хладнокровием, которого, честно говоря, сам от себя не ожидал. Темные глаза Ронды были такими же ледяными и острыми, как лезвие, прижимающееся сейчас к его коже, и паника подступала все ближе и ближе, малейшая трещина – и она прорвется. Единственное, что удерживало эту плотину, – логика, которая продолжала нашептывать: «Ну не убьет же она тебя, в самом-то деле!»

Несколько мгновений Ронда пристально изучала Фьора, а потом неуловимым движением убрала саблю и, не сказав ни слова, развернулась и ушла.

Фьор непроизвольно потер шею, тихонько перевел дух и огляделся. Никто не заметил случившегося, циркачи «Обскуриона» и «Колизиона» смешались и мирно общались между собой; казалось, они все они хорошо и давно друг друга знают и наслаждаются обществом. А может, просто и те и другие рады, что наконец-то выпала возможность поговорить с кем-то еще, кроме своих неизменных коллег, которых за годы странствий знаешь уже как облупленных и с которыми давно не осталось ни новых тем для разговоров, ни нераскрытых тайн и секретов.

В воздухе плыли аппетитные запахи готовящегося на решетках грилей обеда. Фьор еще раз внимательно осмотрел толпу, выискивая в ней Крис. Так и не найдя девушку, дошел до ее трейлера и заглянул внутрь. Пусто.

На обратном пути Фьор столкнулся с Мануэлем. Тот выглядел взвинченным, слегка помятым, немного расстроенным и рассеянным.

– Крис не видел? – спросил фаерщик.

– А? Крис? Нет, не видел, – мотнул головой воздушный гимнаст на ходу.

Фьор нагнал его в два шага и пристроился рядом.

– Давно хотел тебя спросить – что за дела с твоим бывшим директором?

– В смысле? – насторожился Мануэль.

– Ну... – Фьор замялся; он и сам не знал, как сформулировать те сумбурные мысли и неясные тревоги, которые вызывал у него директор чужого цирка. – Он всегда такой... что от него мурашки по коже?

– Ах, это! – воздушный гимнаст усмехнулся. – Да, что есть, то есть.

Услышанное Фьора не удовлетворило, он так и не получил нужного ему ответа. Впрочем, сложно получить желанный ответ, если не можешь задать правильный вопрос.

– Слушай, а за что он тебя вытурил из цирка?

– Не хочу об этом говорить, – мгновенно поменялся в лице Мануэль.

– Но это Джордан решил тебя выкинуть?

– Ну... да.

– Ты что-то натворил? – продолжил допытываться Фьор; ему хотелось найти хоть какую-то зацепку, ухватившись за которую он мог бы понять, что его так настораживает в «Обскурионе» вообще и в Джордане в частности.

– Я же сказал, я не хочу об этом говорить! – резко и громко повторил Мануэль.

– Да ладно, расслабься, – примирительно пробормотал Фьор, решив про себя, что тема, похоже, болезненная. – Увидишь Крис, передай ей, что я ее ищу, ладно?

Мануэль ушел, буркнув себе под нос что-то неразборчивое. Фьор пожал плечами и с досадой встряхнул рукой, когда понял, что в пальцах снова, помимо его воли, появился язычок пламени. Огонь по-прежнему то и дело вырывался из-под контроля. Но утешало хотя бы то, что теперь он стал чаще замечать, когда это происходит.

Общаться ни с кем из «Обскуриона» не хотелось, и когда Фьор об этом подумал, то криво усмехнулся. Он никогда не был молчаливым интровертом; в той, прошлой жизни ему нравилось находиться в обществе, у него было довольно много друзей... или тех, кого он считал друзьями. Но после того, что случилось с Ирой, он стал словно отгораживаться от мира, и этот

процесс только ускорился после попадания в «Колизион». Вот и сейчас, пока все остальные наслаждались иллюзией частичного возвращения к прежней жизни, его знакомство с новыми людьми почему-то совсем не привлекало.

Без особого аппетита откусывая от взятого на ходу сэндвича, Фьор медленно бродил вдоль автокараванов обоих цирков, бесцельно наблюдая за происходящим. В атмосфере витали запахи радости и праздника – почти позабытое ощущение, в «Колизионе» его никогда не было, даже во время представлений. Видимо, это какой-то универсальный закон жизни: те, кто дарит праздник другим, сами его никогда не чувствуют. Вот и «Колизион», создавая праздник для зрителей, сам никогда не был его частью. Во всяком случае, не той его частью, которая этим наслаждается. То, что являлось праздником для зрителей, для циркачей было изнурительной, тяжелой работой. Фьор уже отвык от легкого смеха, непринужденных бесед и довольных, расслабленных лиц людей, которые так давно жили в постоянном страхе удаления, что уже с этим смирились.

Взгляд неожиданно приковала к себе фигура, крадущаяся вдоль закрытого трейлера Сола; Фьор про себя по-прежнему называл его именно так, а не «трейлером Графини» или «трейлером директора». Издалека фаерщик не видел лица и не мог понять, кто это. Не мог даже разобрать, свой это или кто-то из «Обскуриона», темные штаны и куртка могли принадлежать и тем и другим. А еще этот кто-то держал под мышкой небольшой прямоугольный предмет.

Остановившись у двери, фигура взялась за ручку, и Фьор напрягся. Кто это? Что ему нужно в трейлере?

Прежде чем войти внутрь, фигура воровато оглянулась, и Фьор наконец увидел, кто собирался совершить взлом с проникновением. Кабар.

Дождавшись, когда за метателем ножей закроется дверь, Фьор подошел к трейлеру и осторожно заглянул в окно. И увидел то, что ожидал: Кабар крутился около принтера, открывал все, что открывается, выдвигал все, что выдвигается, нажимал на все кнопки, на которые только можно нажать, и даже пару раз с досадой стукнул по корпусу кулаком. Было совершенно очевидно, что метатель ножей отчаянно хотел заставить принтер заработать, чтобы утвердить свою власть над «Колизионом».

Принтер не реагировал ни на ласковое обращение, ни на грубость.

Оставив тщетные попытки, Кабар взял прямоугольный предмет, который издалека заметил Фьор, и оказалось, что это ноутбук. Раскрыв его, метатель ножей некоторое время над ним колдовал, а потом поднес к принтеру.

Фьор до последнего не понимал, зачем Кабару ноутбук, но когда тот развернул его немного боком, фаерщик рассмотрел изображение на экране. Это была цирковая афиша.

Еще мгновение назад раздумывавший, а не уйти ли ему, теперь Фьор намертво приклеился к своему месту, только бросил быстрый взгляд через плечо, чтобы убедиться, что на него никто не смотрит. К счастью, циркачи по-прежнему были поглощены общением с коллегами и на него не обращали внимания.

Фьор снова приник к окну. Кабар суетливо носился с ноутбуком вокруг принтера, но последний пока так и не торопился ничего распечатывать. Фьор перевел дух. Он предполагал, что вряд ли этот принтер можно использовать по прямому назначению: подключить его к ноутбуку и распечатать документ. И все же на короткое мгновение у него закралось сомнение: а вдруг у Кабара получится? А следом за этой мыслью появилась еще более пугающая: а что, если все директора так делали? Нет никакой мистической силы, нет никакой высшей воли, которая отправляет их в странствия по самым неожиданным и странным маршрутам; есть только хитрые директора, которые сами готовят и печатают афиши...

Отчаявшийся Кабар достал из внутреннего кармана кабель, один конец воткнул в ноутбук и принялся осматривать принтер, ища нужный разъем. Так ничего и не найдя, метатель

ножей в сердцах вырвал шнур из ноутбука и в ярости отбросил его в сторону. Фьор несколько успокоился; не получится у Кабара ничего распечатать!

Снова бросив взгляд через плечо, фаерщик увидел, что его заметили. Не стоит и дальше привлекать к себе внимание, тем более и так уже понятно, что не получит Кабар афишу, ни настоящую, ни даже поддельную.

Запахло паленым – и не образно выражаясь. Фьор опустил взгляд и увидел, что под ногами у него уже образовалась небольшая огненная лужица, и язычки пламени начали облизывать шину колеса.

Быстро погасив огонь, фаерщик торопливо отошел от белого трейлера. М-да, ситуация с огнем становится все хуже, а сам Фьор начинает представлять серьезную угрозу и для себя, и для цирка. Что же ему делать? Даже спросить совета не у кого, в цирке нет настоящего директора. Точнее, есть, но никто не знает, кто это.

Фьор и не заметил, как ноги сами принесли его к цыганской кибитке. А когда он увидел, где оказался, то понял, что именно это и было нужно. Он должен еще раз войти внутрь и либо «починить» свой дар, либо получить другой, если, конечно, цирк решит его ему дать. Ну и, разумеется, всегда оставался вариант «сойти с ума», но рядом с вариантом «случайно сжечь весь цирк и себя» он уже не казался таким ужасным.

* * *

Еще даже ни разу не подергав ручку, ни разу не нажав на дверь, Кристина уже знала, что та не откроется. Либо ее заперли снаружи, либо, что в реалиях «Колизиона» куда более вероятно, кибитка сама решила ее не выпускать.

И все же, несмотря на это, Кристина все равно попыталась открыть дверь, изо всех сил налегая плечом, а затем на всякий случай постучала по ней кулаком и закричала:

– Эй, кто-нибудь! Помогите! Выпустите меня отсюда!

А потом вспомнила, что оставила совсем рядом с кибиткой воздушного гимнаста, и закричала еще громче, не особо, впрочем, надеясь на успех:

– Мануэль! Мануэль, ты меня слышишь? Помоги! Открой дверь!

И хотя в глубине души Кристина знала, что никто не придет ей на помощь, она все равно провела некоторое время у двери, напряженно вслушиваясь в то, что происходит снаружи, и надеясь, что вот-вот подойдет подмога. Но когда стало совершенно очевидно, что все это тщетно, она сползла спиной по двери прямо на пол, положила руки на колени и спросила, обращаясь к таинственному полумраку:

– Ну и что дальше? Думаешь, на этот раз у нас получится лучше, чем в прошлые?

Лежащий на полу телефон издал короткое жалобное треньканье и затих.

– Что, хочешь, чтобы тебя подняли? – спросила у него Кристина и вдруг подумала, что ведет себя как героиня мультлика «Красавица и чудовище», разговаривая с предметами, словно с одушевленными существами. Может, это такая форма сумасшествия, которое ее все-таки настигло за то, что она так часто заходила в кибитку? – Ну ладно, подыграю тебе.

С этими словами Кристина подняла старинный аппарат, положила трубку на рычажки и понесла его на прежнее место.

В углу послышался какой-то подозрительный шорох, что-то скрипнуло за спиной, что-то скрежетнуло в темноте. По спине поползли было мурашки страха, но Кристина как-то устало вздохнула и попросила, сама не уверенная, к кому обращается:

– Слушай, может, сегодня обойдемся без этих спецэффектов, а?

Шумы, звуки и шорохи прекратились как по команде. Обведя кибитку взглядом, Кристина удовлетворенно кивнула.

– Спасибо, – поблагодарила она и водрузила телефон на место. – Ну как? Тут хорошо? – спросила она.

Телефон разразился трелью.

– Опять? – укоризненно вздохнула Кристина и с сомнением посмотрела на позолоченный винтажный аппарат. Стоит отвечать или нет?

Кристина где-то читала высказывание о том, что только безумец, делая одно и то же, рассчитывает в конце концов получить другой результат. Она уже не раз снимала трубку, но разговора не вышло. На что она надеется в этот раз?

Телефон продолжал звонить, и Кристине даже показалось, что он слегка подпрыгивал на месте.

– Ладно, – нехотя проворчала она, – я отвечу. Но только при условии: я тоже хочу получить ответы! Ну, хоть какие-то!

Кристина подняла трубку и услышала привычное шуршание и пощелкивание. Но на этот раз она не стала говорить: «Алло», а просто слушала и ждала – сама не зная чего.

Пол резко пошатнулся под ногами, и Кристина едва не упала. Ухватившись за край стола, она сумела удержать равновесие и попыталась понять, что происходит, – пол продолжал дрожать и слегка качаться под ногами. А потом ее осенило: да они же поехали! И теперь будут ехать до самой ночи! А это значит, что она застряла тут надолго; пока они в пути, никто не будет ее искать. Риона решит, что она осталась в трейлере Мануэля, Мануэль же не в том состоянии, чтобы беспокоиться о ней, ему самому сначала надо прийти в себя. А больше ее искать, пожалуй, никто и не будет. Ну, разве что Фьор, он очень хотел обсудить те странные видения, которые у них, кажется, общие, но так как они договорились, что это не срочно, фаерщик вряд ли начнет ее поиски до того, как цирк остановится вечером на ужин.

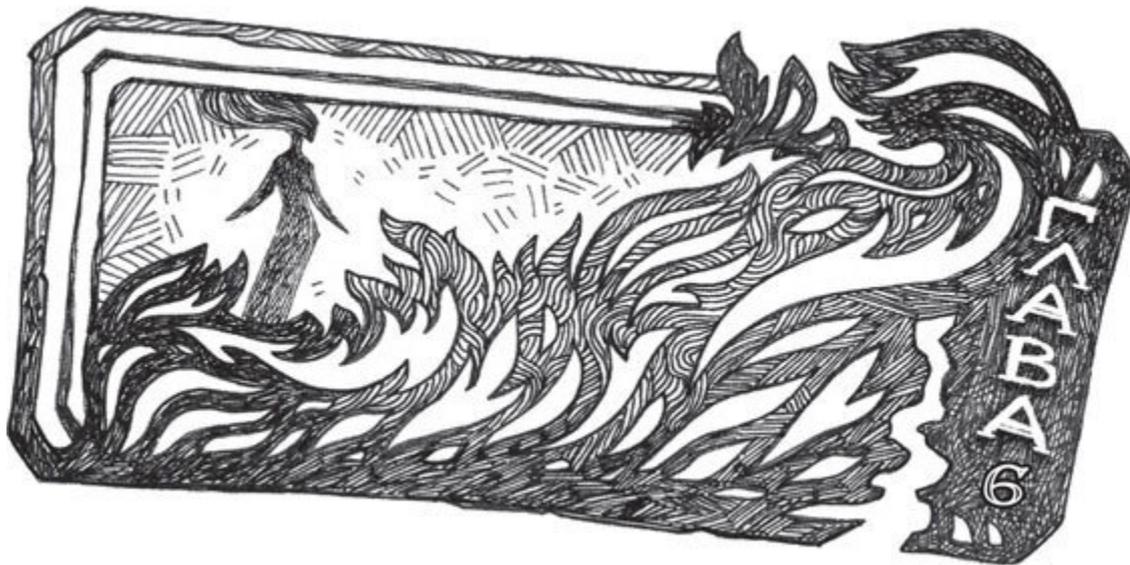
Вместо паники, которую Кристина почти ожидала, она ощутила лишь философское равнодушие. Если бы цыганская кибитка хотела свести ее с ума, она бы давно уже это сделала, Кристина дала более чем достаточно поводов. А если таких планов у кибитки на нее нет, то ей нечего беспокоиться о том, что она несколько часов просидит внутри. Зато осмотрит все тут хорошенько. Заодно, может, наконец поймет, что за дар ей достался от цирка... Если, конечно, вообще достался.

Кристина так глубоко задумалась, что почти забыла о трубке, которую все еще прижимала к уху, и потому едва не вскрикнула, когда вдруг услышала раздавшийся оттуда нелюбезный голос:

– Это снова ты?

Глава 6

Тина подходила к дому – да, это был дом, *ее* дом, *настоящий* дом, и она до сих пор искренне наслаждалась этим ощущением, – когда вдруг поняла, что больше не может сделать и шага.

Страх. Да, это новое, незнакомое ощущение, которое она испытала, должно быть, и называется страхом. Неужели случилось невероятное и Кристина каким-то образом нашла способ вытеснить ее из этого мира и вернуться на свое место? Невозможно! Все они, те, кого вытеснили фамильяры, давно забыли о том, как это делается. И не только это – они вообще *все* забыли!

И все же ноги отказывались идти, а сама Тина словно попала в липкую, вязкую паутину, которая не давала ей двигаться.

Безусловно, один из минусов того, что занимаешь жизнь вытесненного человека, – это то, что вместе с его жизнью получаешь и набор человеческих качеств, включая эмоции. А они очень мешают! Вот и сейчас Тина пыталась напомнить себе, что испытываемые ею чувства совершенно иррациональны и нужно их отключить, чтобы разобраться в ситуации. Кто? Кто делает это с ней?

Ответа искать не пришлось; возле Тины резко притормозила черная машина с низкой посадкой, задняя дверь открылась, и изнутри раздался резкий голос:

– Садись!

И Тина поняла, что не может ему сопротивляться: было в нем что-то такое, что буквально заставляло подчиниться.

На деревянных ногах Тина дошла до машины, неловко согнулась и забралась в салон. Захлопнулась дверь, взвизгнули тормоза – и улица осталась позади.

В машине было двое, Тина видела только их затылки и часть профиля. У водителя – светлые, чуть волнистые волосы, стянутые в пучок а-ля «викинг», на подбородке и скулах красовалась густая щетина как раз такой длины, когда уже можно осторожно назвать ее бородой. У пассажирки – настоящее буйство огненно-рыжих кудрей. И самое главное, оба хостильеры; это Тина поняла сразу же.

Оба молчали. Тина ждала. Раз они ее искали и фактически похитили, она им зачем-то нужна.

Город остался позади, и, когда вокруг потянулись заброшенные поля, автомобиль наконец остановился.

Водитель обернулся, и у Тины перехватило дыхание – такими пронзительными оказались уставившиеся на нее темно-зеленые глаза. Рыжеволосая женщина опустила солнцезащитный козырек, открыла встроенное зеркальце и в него стала наблюдать за Тиной; медово-карие глаза слабо мерцали и отливали желтым.

– Ну, привет, новенькая, – сказал водитель тоном, исключая любое дружелюбие. – Давай объясняй, что ты творишь!

* * *

– Да, это я, – ответила Кристина, готовясь вытянуть из странного разговора с неведомым собеседником максимум возможной информации. Мистика больше всего пугает в первый раз; во второй раз она все еще изумляет, но, по крайней мере, ты к ней уже немного готова. – А это опять вы?

– А ты знаешь, кто я? – В безликом голосе на другом конце несуществующего провода послышалась усмешка.

– Вы – тот... или та... кто проклял меня в прошлый раз. Кстати, я так и не поняла за что.

– Ты все еще ничего вспомнила? – с недоверием спросил голос.

– А что я должна была вспомнить?

– Значит, не вспомнила.

– Но, может, если бы вы меня подтолкнули...

– Это совершенно точно не наша задача.

– Наша? Это чья «наша»? Вас много? И что за задача? – затараторила Кристина.

– Слишком много вопросов, Крис. Слишком много вопросов.

– Ладно, пусть много. Но один-то хотя бы можно?

Ответом было молчание, но Кристину это не остановило.

– Какой дар дал мне цирк? Как мне его понять?

В ответ послышался смех. Не гомерический хохот, не издевательское хихиканье, а негромкий снисходительный смех. Так посмеиваются над теми, кто не видит каких-то очевидных вещей.

Кристина подождала еще немного и, поняв, что ответа так и не будет, решила, что терять ей нечего и она может выплеснуть эмоции.

– Тогда скажите мне вот что! – практически закричала в трубку она. – Если вы все равно не собираетесь отвечать на мои вопросы, зачем вообще звоните? Зачем пытаетесь со мной поговорить?

Вместо ответа в трубке раздался щелчок, за которым последовали сначала мгновение полной тишины, а потом уже знакомые шорох и шуршание.

Кристина с досадой грохнула трубкой о ручки-держалки и еле остановила порыв швырнуть ненавистный аппарат об стену. Совсем недавно ей казалось, что нет ничего хуже мистических тайн, но теперь она поняла: гораздо хуже, когда тебя дразнят ответами, но так их и не дают.

– Ну? – сказала она, словно обращаясь к цирку целиком, и уперла руки в бока. – Так и будем дальше друг друга не понимать, а?

Цирк, разумеется, не торопился отвечать или хотя бы давать какой-то сигнал.

Раздраженно фыркнув, Кристина без особой надежды подергала ручку двери, убедилась, что та по-прежнему заперта, и со вздохом стала обходить кибитку. Непонятно откуда идущий слабый свет освещал ровно столько, сколько нужно, чтобы Кристина могла рассмотреть все, что она хотела увидеть. Она по очереди брала в руки винтажные редкости и ерундовые безде-

лушки, драгоценные старинные вещицы и то, что выглядело обычным хламом. Шкатулочка с мушками, вышитый носовой платок, мраморные шарики, булава для жонглирования, бутафорские усы, хлыст, полосатый костюм силача, пожелтевшая старая открытка, хрустальная ваза... Чего здесь только не было! И оставалось лишь гадать, что несет в себе та или иная вещь.

В ушах появился гул и необычное потрескивание, словно рядом в камине горели сырые поленья. Кристина даже оглянулась, словно пыталась найти источники звука, но, разумеется, ничего не увидела. Зато она обнаружила, что стоит перед шкатулкой, которую так решительно захлопнула в прошлый раз. Она прекрасно помнила светящееся украшение неизвестного назначения и сейчас колебалась: взглянуть на него еще раз или не стоит? Кристина и сама не знала, чего больше боится: того, что оно больше не светится и, значит, все ее догадки о том, что, возможно, это тот самый предмет, который дает ей цирк, неверны, – или же, наоборот, того, что по-прежнему светится и действительно является даром цирка, который ей придется как-то расшифровать.

– Довольно! – прикрикнула на себя Кристина, в очередной раз потянувшись к резной, инкрустированной желтоватым металлом и перламутром шкатулке – и в очередной раз отдернув руку. – Для кого ты устраиваешь это шоу? Ты же знаешь, что все равно ее откроешь! Так, может, хватит уже?

Этот короткий монолог с самой собой помог, и Кристина, не успев ни подумать, ни засомневаться, резко откинула крышку.

И не увидела медальона.

Куда он мог деться? Кто его взял? Никто не заходил в кибитку последнее время, не так ли? Никто, кроме нее. И... Мануэля.

Кристина и сама не понимала, почему так разволновалась из-за пропажи загадочного украшения. Есть оно, нет его – казалось бы, какая ей разница? Но вот она стоит перед открытой шкатулкой и лихорадочно роется в ее содержимом в надежде найти медальон.

В темной глубине шкатулки, под слоями жемчуга, цепочек, камней и браслетов показалось слабое мерцание. Кристина торопливо раскопала залежи украшений – и выдохнула. Вот он, никуда не делся. Просто провалился на самое дно. Вероятно, от тряски кибитки во время езды.

Остановившись сейчас, когда она неожиданно так распереживалась из-за пропажи медальона, было бы странно, и потому Кристина – не без затаенной дрожи – достала его и поднесла поближе к глазам, чтобы рассмотреть изображение женщины.

Мир вокруг растворился с ошеломительной скоростью. Вместо стен кибитки, увешанных старинными афишами, картинами и фотографиями, появились высокие деревья ночного леса, они окружали Кристину, словно черные стражи – высокие и безмолвные. Где-то сбоку виднелись очертания маленького деревянного сруба, но Кристина и не думала поворачиваться к нему, чтобы рассмотреть; все ее внимание было приковано к сложному узору, нарисованному на земле. Линии сплетались и расходились в на первый взгляд хаотичном, но гипнотизирующем узоре, они мерцали, словно начертанные жидким огнем, и в каждом месте, где они образовывали острые углы, светился какой-то незнакомый символ, не похожий ни на буквы, ни на руны, ни на иероглифы. А Кристина стояла в основании этого узора и чувствовала, как в груди так и поднимается торжество: она это сделала!

– Стой! – раздался из темноты женский голос, и из-за спин стражей-деревьев появилась закутанная в балахон фигура.

– Остановись, не делай этого! – присоединился другой женский голос, низкий и грубоватый, и окутывающая лесную поляну темнота выпустила еще одну фигуру.

– Ты не справишься с такой силой, – подхватил мелодичный и соблазнительный третий голос.

– Ты не сможешь удержать их всех под контролем! – добавил юный и звонкий четвертый.

– Если они вырвутся, их будет уже не вернуть, и это навсегда нарушит баланс, – прибавил глубокий, грудной пятый.

Взгляд Кристины метался от одной фигуры к другой, словно оценивал готовых напасть противников, с которыми ей вот-вот предстоит сразиться. Это все или остался кто-то еще?

– Неужели он того стоит? – спросил еще один голос. Шестой. И этот голос был мужской.

Кристина резко развернулась к тому, кто появился у нее за спиной, – и встретилась с пронзительным взглядом знакомых графитово-серых глаз.

– Да, – услышала она словно со стороны свой голос. – Да, он стоит того. Он стоит всего на свете.

Казалось, само небо отреагировало на услышанное и разразилось внезапным громом. От неожиданности Кристина вздрогнула, разжала ладонь – и медальон выскользнул из пальцев.

Вместе с ним рассеялось наваждение. Кристина снова была в цыганской кибитке. А гром оказался всего лишь стуком снаружи. Похоже, кто-то обнаружил ее отсутствие и сейчас бился в дверь, видимо, пытаясь ее выломать.

Действуя словно в полусне, Кристина подняла с пола медальон. Зажала в ладони, словно решая, взять ли ей его с собой или вернуть обратно в шкатулку. В последний момент все же положила его к россыпи драгоценных украшений, закрыла крышку и прижала сверху – так, словно хотела как можно надежнее отгородиться и от него, и от видений, который он посылает. Медленно, будто двигаясь сквозь толщу воды, подошла к двери, буквально сотрясавшейся от ударов того, кто был так решительно настроен освободить Кристину любой ценой.

Прежде чем девушка взялась за ручку, дверь сама распахнулась от очередного сильного удара. И в этот мир невидимые пути оцепенения, сковавшие Кристину, разом спали.

На пороге стоял взъерошенный, тяжело дышащий Дэнни.

* * *

– Ты как меня нашел? – удивилась Кристина, но Дэнни не ответил.

Быстро оглянувшись через плечо, он втолкнул ее внутрь кибитки, захлопнул дверь, а сам сгреб девушку в охапку и прижал к стене, словно укрывая от неизвестной опасности.

Кристина открыла было рот, но Дэнни приложил ей к губам палец и выдал выразительное беззвучное «Ш-ш-ш!».

Хуже опасности может быть только неизвестная опасность. Воображение услужливо породило самые разные варианты, один другого безумнее; Кристина раньше и не догадывалась, что оно у нее такое креативное!

Секунды капали в тишину тяжелыми сгустками. Все органы чувств обострились. Кристина заметила, какая неровная внутри кибитки темнота, ее словно нарвали клочками и разбросали тут и там, и какого интересного оттенка у Дэнни волосы – светлые, с таким бледным золотистым отливом, что казались тепло-белыми. Стали слышны малейшие звуки – отголоски снаружи, поскрипывание пола, неровное дыхание Дэнни и даже быстрый стук его сердца. Воздух наполнился запахами холодного воска и лимона, старых книжных страниц и выделанной кожи, погасших свечей и талька, попкорна и леденцов, а затем в них вплелись ноты будоражащей смеси ароматов морской воды, смородины, лесного ореха и дыни. Кристина не сразу поняла, что этот запах шел от одежды Дэнни. Но когда поняла, внезапно остро, всей кожей начала ощущать малейшие движения его тела: как то напрягались, то чуть расслаблялись мышцы, как он переносил вес с одной ноги на другую, как он чуть крепче сжимал руки...

Взбудораженная и подавленная внезапным наплывом слишком острых ощущений, Кристина несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь прояснить голову и прийти в себя. Это немного помогло, органы чувств несколько сбавили обороты.

– Что там такое? – почти беззвучно спросила Кристина, кивая на дверь.

– Леопард, – прошептал в ответ Дэнни.

– Что?

– Леопард! Или тигр, я не понял... Но там точно какой-то большой кошачий хищник, и он бродит на свободе!

Кристина сразу же расслабилась и от облегчения едва не рассмеялась. Попыталась было высвободиться из хватки Дэнни, но тот по-прежнему прижимал ее к стене с неожиданной для его худощавого сложения силой, и тогда она с усмешкой спросила:

– Ты думаешь, этот хищник умеет открывать запертые двери?

Дэнни на миг нахмурился, а потом смутился, разжал руки и отступил на шаг назад.

– Извини. Просто... У вас в цирке есть леопард?

– У нас есть ягуар.

– Ну вот! – Дэнни облегченно выдохнул. – Я же знал, что не сошел с ума! Я его реально видел!

– Он совершенно безопасен, – заверила Кристина.

– Настолько, что вы выпускаете его свободно погулять? – недоверчиво переспросил парень.

– Настолько.

На лице Дэнни отчетливо отразилось скептическое недоверие, но Кристина не стала пускаться в объяснения; она не была уверена, та ли это тайна, которую нужно хранить от других, но, когда не знаешь наверняка, лучше перестраховаться.

– Ладно, забудем пока про нашего ягуара. Ты откуда узнал, что я тут? – сменила она тему.

– Мальчишка ваш сказал. Ушастенький такой. На обезьянку похож, – ответил Дэнни.

– Апи тебе сказал, что я здесь? – удивилась Кристина. Откуда Апи узнал, что она тут застряла?

– Ну, «сказал» – это громко сказано. Он показывал жестами, как будто звал за собой. Я пошел, и он привел меня сюда. Показал на дверь, изобразил, что ее надо выбить. Вообще я в незнакомых местах обычно стараюсь не портить имущество, но мальчишка вел себя очень настойчиво. – Дэнни осклабился. – Комплексия у меня, конечно, не для вышибания дверей, но я все же решил попробовать. С ожидаемым исходом. А потом как услышу позади себя рев! Оборачиваюсь – а там эта зверюга. Ну, и у меня будто разом суперспособности проснулись – едва не выдрал дверь вместе с петлями! – Дэнни комично пощупал свой не отличающийся объемами бицепс и нарочито печально вздохнул. – М-да, это был явно разовый всплеск сил.

Кристина уже вовсю улыбалась: какой же этот Дэнни веселый! И не подумаешь, что в момент опасности он готов вот так, без раздумий, прикрыть своим телом. Кстати, куда более крепким, чем это можно подумать по внешнему виду.

– В любом случае спасибо Апи, потому что дверь заклинило и я правда не могла выйти, – сказала она.

– Круто! Всегда мечтал побыть супергероем – вызволителем девушек, застрявших в... – Дэнни впервые огляделся по сторонам. – А что это вообще за место?

– Это наше хранилище реквизита; ты прошлый раз спрашивал, помнишь?

– Смутно, – рассеянно отозвался Дэнни, с любопытством оглядываясь по сторонам.

На него совершенно не действовала мрачная, гнетущая атмосфера внутри, что заставило Кристину задуматься, а не являлась ли она плодом воображения циркачей. Всех так стращали посещения этой кибитки, что каждый шел сюда, уже трясясь от страха. А вот Дэнни не знал, что ему положено бояться, – и, похоже, не видел и не слышал ничего, что вызывало бы у него беспокойство.

– Без обид, но странное у вас хранилище, – заметил он, безо всякого трепета поднимая и рассматривая то одну вещь, то другую. – Да и сам реквизит странный...

– Какой есть, – ответила Кристина; она вдруг отчетливо поняла, что им нужно уходить, и как можно скорее. Откуда и почему пришло это понимание, она не знала – и не собиралась выяснять. Во всяком случае, не прямо сейчас. – Знаешь что, пошли-ка отсюда.

– Почему? До отправки еще минимум полчаса.

– Просто... пойдём.

Ничего дальше не объясняя, Кристина взяла Дэнни за руку и потянула за собой к выходу. Толкнула дверь, надеясь, что та откроется, – и боясь, что кибитка выкинет очередной фокус и заставит их обоих остаться здесь.

К счастью, дверь с готовностью распахнулась, но Кристина все равно буквально вывалилась наружу, а Дэнни – вслед за ней.

Дверь с тяжелым металлическим лязгом захлопнулась. Кристина выдохнула. Дэнни нервно оглядывался по сторонам.

– Расслабься, наш ягуар и правда не опасен, – напомнила Кристина.

– Я бы рад тебе поверить, честно! Но просто в моей картине мира слова «хищник» и «не опасен» рядом не сосуществуют, – ответил Дэнни, отпустил ее и так комично прижал руки к груди, что было неясно, правду он говорит или шутит.

И Кристина вдруг подумала, что, возможно, это такой способ прятаться от мира: ты говоришь правду, но так, что ее никто не принимает всерьез. Или, наоборот, врешь, не пытаясь даже скрыть, что это ложь, но именно поэтому тебе верят. И в итоге никто не знает, какой же ты настоящий. Интересно, а Дэнни какой на самом деле?

Юмор последней шутки растаял в воздухе, и в наступившем молчании появилась неловкость. Кристина вдруг отчетливо ощутила, что Дэнни стоит слишком близко, практически касаясь ее, и что пауза все сгущается и ее нужно чем-то наполнить, и что Дэнни, кажется, ждет от нее каких-то слов, ведь яркие синие глаза смотрят на нее выжидательно, и еще в них есть что-то, чему она не могла дать название, но это что-то волнует и вызывает смущение, а секунды идут одна за другой, и слов так и не находится...

– Я... – начала Кристина, сама не зная, что собирается сказать, а затем и вовсе замолчала, когда Дэнни осторожно убрал прядь волос, которая упала ей на глаза.

А потом она заметила, что к ним приближается Фьор, и в кончиках пальцев снова появилось то странное щекочущее онемение, словно она только что прикоснулась к фаерщику и их снова затянуло в то странное, пугающе реалистичное видение на двоих, понять смысл которого они никак не могли, и нахлынули отголоски чужих чувств: ненависти, страсти, смятения и связи, которую в один миг хотелось разорвать, а в другой – сделать сильнее...

Кристина вздрогнула и отпрянула от Дэнни. Тут же подумала, как это глупо; она ведет себя так, словно ее застали за чем-то таким, что стоило бы скрывать, но ведь это совсем не так!

Фьор, увидев Кристину, резко остановился и замер, не сводя с нее глаз.

Почувствовав напряжение, Дэнни обернулся и, увидев фаерщика, мгновенно поменялся в лице; широкая, чуть насмешливая улыбка, подчеркнутая разболтанность. Наверняка это та самая маска, которую он цепляет на себя, когда превращается на арене в шута.

Ощущение неловкости настолько переполнило тишину, что Кристина больше не могла ее терпеть.

– Спасибо за... э-э... спасение, – неестественным от попытки звучать естественно голосом сказала она.

– Как мило, что ты притворилась, будто это было спасение, – сверкнул Дэнни улыбкой, легко сбежал по ступенькам на землю и, беззаботно размахивая руками, пошел прочь.

Кристина некоторое время провожала его взглядом, пытаясь хоть немного осмыслить такие сумбурные последние несколько минут, а затем обернулась к Фьору.

Но фаерщика на месте больше не было.

Зато в кустах возле дороги появился ягуар. Он уставился на Кристину янтарными глазами, а потом как-то очень по-человечески разочарованно покачал головой и затрусил прочь, оставив девушку гадать, что он ей этим хотел сказать.

* * *

Тина оценивающе смерила взглядом «викинга».

– Здравствуй, незнакомый фамильяр, который решил с ходу меня допрашивать, я тоже рада с тобой познакомиться, – холодно сказала она.

Водитель хмыкнул и взглянул на рыжую.

– Ты посмотри, а она с характером!

Рыжая фыркнула, и Тина почувствовала, что начинает злиться. И освободиться от невидимого влияния, которое заставило ее остановиться, а потом сесть в машину.

– Может, не стоит при мне говорить обо мне же в третьем лице? – холодно спросила она. – Вы хостильеры, я уже поняла. Вы крутые, вы в этом мире больше меня и лучше понимаете, что происходит. Ну, так введите меня в курс дела!

– Для начала расскажи: кто надоумил тебя призвать яггера и откуда ты вообще узнала, как это делается?

Тина пожала плечами:

– Я всегда это знала. Чего я по-прежнему не знаю, потому что вы игнорируете мой вопрос, так это почему вы, безымянные хостильеры, меня допрашиваете и ждете, что я буду вам отвечать.

Ее снова словно и не услышали; водитель обменялся с рыжей многозначительным взглядом. Девушка выразительно подняла бровь, а «викинг» чуть повел плечом и пробормотал:

– Ну а что ты хочешь? Ты же сама знаешь, какой мощный у нее *иниций*.

– У вас проблемы со слухом? Или врожденная атрофия вежливости? – вмешалась Тина. – Я же вроде бы только что попросила не говорить обо мне так, будто меня тут нет. И кто такой этот *иниций*?

– Ты знаешь, как призывать яггера, но не знаешь, кто такой *иниций*? – недоверчиво спросил «викинг». Увидел говорящий взгляд Тины и пояснил: – Твой создатель. Оригинал. Тот, от кого ты произошла.

– Она мне не создатель! – тут же ошетинилась Тина.

– Какая же она еще маленькая и несмышленная! – со снисходительной улыбкой бросила рыжая водителю, а потом повернулась к Тине и насмешливо сказала: – Ну да, ты сама собой появилась в этом мире, а твой *иниций* совсем ни при чем, и выглядишь ты точь-в-точь как она чисто случайно.

– Она меня не создавала! – упрямо повторила Тина.

– Ах, эта врожденная хостильерная гордость! Так и хлещет через край! – усмехнулся «викинг». – Да, она тебя не создала. Да и ее предки – *их* предки – нас не создали; скорее вызвали. В любом случае сейчас это не имеет отношения к делу. Твой *иниций* – или называй ее как хочешь – очень могущественна.

– Кристина? – фыркнула Тина. – Вы ее явно не встречали, если так говорите.

– И самое главное, – продолжил «викинг» так, словно его не перебивали, – она оказалась в цирке, который нам очень нужен. Точнее, очень нужен один артефакт оттуда. Мы не раз засылали в него своих, но почти никто не смог пробраться в цирк. А те, у кого получилось, не сумели его найти.

– Вы? – сразу отметила Тина. – У вас что, какая-то организация? И как вы засылали своих в цирк? Я думала, это невозможно, нам туда хода нет.

– Очень сложно, но не невозможно. И нет, не совсем организация, – в обратном порядке ответил на ее вопросы «викинг». – Хостильеров не так много, если сравнивать с фамильями. Те из нас, кто живет в этом мире достаточно давно, поддерживают связь. Так что – да, мы.

– Вам нужен артефакт из того цирка, – повторила Тина. – Что за артефакт? Зачем? И самое главное, от меня-то вам что надо? Я тут, а не там.

– Ты можешь повлиять на своего иницию. А если у тебя хватит сил и умения – даже сумеешь настроиться на нее так, чтобы видеть и слышать происходящее через нее.

– Никогда не пробовала. И, откровенно говоря, не хочу.

– Почему?

Тина промолчала. Даже не потому, что не хотела признаваться в своем невежестве, – она не знала, что может установить связь с Кристиной. Она *не хотела* устанавливать с ней связь. Связь – это веревка о двух концах; дернешь со своей стороны – могут дернуть и с другой. И Тина почему-то опасалась, что Кристина может дернуть сильнее.

Вместо того чтобы ответить на вопрос незнакомых хостильеров, она сменила тему.

– Вы мне так и не рассказали, что это за артефакт и зачем он вам нужен.

«Викинг» переглянулся с рыжей, и та вперилась в Тину таким цепким, таким пронзительным взглядом, что той стало не по себе.

– Мы хотим провести древний обряд и вызвать Первого фамильера, – наконец ответила она.

– Первого фамильера, – эхом откликнулась Тина. Эти слова будили какие-то смутные, глубоко похороненные ассоциации, и сейчас они медленно, неохотно поднимались на свет и обретали форму забытых знаний и воспоминаний. И это были поразительные знания! – Но разве его не... развоплотили?

– Развоплотили, – подтвердила рыжая. – А также раздробили вызвавшее его заклинание, заключили эти частицы в артефакты и спрятали их по всему свету. Мы долгие годы – да что там, века! – их собирали. Сейчас остался один, последний. Добудем его – и сможем воссоздать заклинание. Догадываешься, что это за последний недостающий артефакт, – или надо разжевать?

Тина фыркнула; рыжая ей не нравилась.

– Догадываюсь, – процедила она. Может, она и новый хостильер, и, кроме наследственной памяти, у нее нет знаний о том, что происходит в этом мире сейчас, как у тех хостильеров, которые живут здесь намного дольше ее, но она не собиралась пасовать перед какой-то высокомерной, наглой девицей. – О чем я не догадываюсь, так это о том, зачем нужно возвращать Первого фамильера.

Рыжая посмотрела на Тину почти с жалостью.

– Как, ты думаешь, появились первые хостильеры? Когда-то мы все были фамильями, послушными, безвольными, бессловесными слугами тех, кто нас вызвал. Да что там, нам даже не давали форму человека! Нас заключали то в сов, то в жаб и лягушек, то в черных котов. А он... он стал первым, кто получил форму человека. И первым, кто сумел разорвать связь со своим иницием, сумел пойти против его воли. Освободился сам – и сделал свободными нас. Ну, почти свободными.

Тина поморщилась от этого «почти». Да, действительно, она вытеснила Кристину из жизни и заняла ее место, и все же до тех пор, пока Кристина жива, пока она есть в этом мире, она остается для Тины уязвимым местом, ее главной слабостью. И она постоянно это ощущала. Именно поэтому Тина и не хотела даже попробовать устанавливать с ней связь, на что намекнули ей эти хостильеры. Именно поэтому и призвала яггера – хотела раз и навсегда освободиться от Кристины, а заодно и от цирка, в котором та нашла прибежище. Но, похоже, она переоценивала свои способности и способности своего яггера. Будь это так просто – убить своего иницию, и дело с концом, – другие хостильеры не затеяли бы возвращение Первого фамильера.

– Вы считаете, что, если вы его вернете, он нас всех освободит? Окончательно? Раз и навсегда? – сделала вывод Тина. – Этаким великий спаситель, который сможет то, что не можем мы?

– Так и будет, – уверенно ответил «викинг». – Его инициий создал Первого фамильяра не так, как создавали обычных фамильяров. Между ними была особая, уникальная связь. Он сможет.

Что ж, хоть Тине и не понравилось, как началось ее знакомство с этими хостильерами, она не могла не признать, что их цель крайне привлекательна. Лично она была бы счастлива окончательно освободиться от Кристины! А если при этом свободны станут и другие хостильеры и даже фамильяры – она не против. Люди более чем заслуживают такую судьбу, раз совершенно не ценят великий подарок, который получают при рождении, – возможность прожить настоящую жизнь.

– Яггер, которого я призвала... – медленно начала Тина, – я отправила его в цирк. Он либо уже до него добрался, либо вот-вот доберется. Думаю, я могу поручить ему поиск артефакта. Только мне надо знать, что тот собой представляет.

«Викинг» уважительно качнул головой, а потом протянул Тине руку:

– Я Ивар. Это Вив. Приветствую тебя в рядах хостильеров.

Глава 7

Город показался на горизонте вечером – трепещущая линия огней в сгущавшейся на краю неба темноте. Внимательно разглядывая его в окно, Кристина не без удивления поняла, что он намного больше тех городков, в которые «Колизион» приезжал прежде.

Сердце сжалось в волнении, и было неясно, чем оно вызвано: то ли тем, что на этот раз они будут давать представление вместе с «Обскурионом», то ли тем, что «Колизион» едет на шоу без директора, то ли крепко засевавшей в голове мыслью о «максимальной сложности» аудитории; Кристина верила далеко не всему, что сказал Джордан, но этому почему-то поверила сразу и безоговорочно.

Риона прикорнула на подушке. Джады и ее подружек по-прежнему не было, они окончательно переселились к новым друзьям из «Обскуриона». За рулем их трейлера сидел Вит, молчаливый и сосредоточенный. Кристина не раз ловила его на том, что он бросал взгляд на спящую Риону в зеркало заднего вида.

Караван остановился с последними закатными лучами. Выключив двигатель и положив ключи на приборную панель, Вит встал из кресла водителя и молча направился к выходу, но на полпути остановился и долго смотрела на спящую Риону. По его лицу было невозможно прочитать мысли, но Кристине этого и не требовалось, все и так казалось весьма очевидным.

Вит вышел из трейлера, и Кристина поспешно последовала за ним.

– погоди, – позвала она, хватая его за рукав куртки. – Почему ты ничего ей не скажешь?

Вит молча смотрел на нее, не торопясь отвечать. Но и не уходил.

– И что я должен ей сказать? – наконец спросил он.

– Что ты к ней чувствуешь, – ответила Кристина.

– Зачем?

Вопрос поставил в тупик. И правда, разве есть такое правило, что ты должен непременно сообщать людям о своих к ним чувствах?

– Но разве ты не хочешь, чтобы она... чтобы вы с ней...

Кристина запуталась в словах и замолчала, а Вит неожиданно улыбнулся.

– Она знает. Просто не верит.

– Но почему? – воскликнула Кристина.

– Из-за прошлого.

– У вас с ней случился какой-то конфликт, когда она впервые появилась в цирке? Или ты оказался тут после нее и вы не с того начали? – продолжила расспрашивать Кристина. Она была твердо настроена на то, чтобы сделать подругу счастливой. Уж если она не может разорвать связь Рионы с Кабаром, может, хоть поспособствует устройству ее личной жизни.

Вит поколебался, словно не уверенный, стоит ли говорить правду.

– Я просто очень за нее переживаю, – добавила Кристина, надеясь, что, если Риона небезразлична Виту, ее признание найдет у него отклик.

– Нет, наш... конфликт еще более давний, – наконец решился ответить Вит.

– Еще более... о! – Кристина шумно выдохнула, и глаза округлились от удивления. – Ты хочешь сказать, вы были знакомы еще до того, как оказались в цирке?

– Да, – коротко ответил Вит.

Кристина подавила раздражение. Ей что, клещами из него каждое слово вытягивать? Бесит! Но если надо, она готова!

– Крис! – услышала она.

Обернувшись, Кристина увидела, что к ней приближается Дэнни.

– Да?

– Я... – Дэнни перевел взгляд на Вита и спросил: – Я помешал?

– Да, – ответила Кристина.

– Нет, – одновременно с ней сказал Вит. – Я уже уйду.

– Вит, нет, погоди! – попробовала остановить его Кристина, но тот и не подумал обернуться. – Черт, – раздосадованно выдохнула девушка. Как не вовремя! Еще немного, и она бы узнала, что за конфликт был у Вита с Рионой – и как так вышло, что они были знакомы еще в прошлой, доцирковой жизни. – Чего тебе? – раздраженно бросила она Дэнни.

Тот ответил не сразу; казалось, он прикидывал, в каком тоне лучше продолжать разговор, и взвешивал разные варианты.

– Извини, я не хотел мешать вашему... свиданию? Или ссоре влюбленных?

– Пфф, – выдохнула Кристина. Раздражение, вспыхнувшее из-за несвоевременного вмешательства, улеглось, и она поняла, что сердиться на Дэнни глупо. Он же не специально. А с Витом она еще поговорит. Вот он, плюс заключения в «Колизионе», – отсюда никто никуда не денется. – Нет, мы с ним совершенно точно не в таких отношениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.